

Ольга Манько

6+

КРАЙ ЗЕМЛИ

КНИГА ВТОРАЯ

Ольга Манько

Край Земли. Книга вторая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Манько О. В.

Край Земли. Книга вторая / О. В. Манько — «ЛитРес: Самиздат», 2019

ISBN 978-5-532-07903-8

Отправились гонец Ерёма и его верный друг пёс Стёпка Край Земли искать. Не по своей воле, по указанию царя Дорофея. Пришлось им и через Зачарованный лес пройти, и Землю Грёз. Повстречались на их пути ведьмы, Соловей-Разбойник, Птица Гамаюн, полуденницы ... Много чудес произошло. Видели Ерёма и Стёпка, как камни оживали, как в поле колдовском из пшеницы кони появлялись. Не обошло стороной волшебство и козу Гипотенузу, ставшую Единорогом. А глашатай царя Дорофея в эхо был превращён. В сказке использованы мифологические языческие образы Древней Руси.

ISBN 978-5-532-07903-8

© Манько О. В., 2019
© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

«Как пряму ехати – живу не бывати»	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	15
Глава IV	20
Глава V	25
Глава VI	28
Глава VII	30
Глава VIII	32
Глава IX	34
Глава X	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

«Как пряму ехати – живу не бывати»

Глава I

Долго ли коротко, близко ли далёко шли Ерёма, Стёпка и Соловей-Разбойник. Вёрстам уж счет потеряли. День сменялся ночью, поля переходили в леса, деревни в города. Промозглая осень отгеснила лето, пригнув тяжёлыми тучами уставшее небо. С понурых ветвей падала пожелтевшая листва. Прильнув к земле, она пыталась уберечь её от осеннего холода. Вместо беззаботного щебета птиц в посеревших небесах слышался прощальный крик стай, улетающих в тёплые края.

Соловей-Разбойник поправил увесистый короб на плече:

– Безалаберный ты, Ерёмка. Кабы не я, от голода пропали бы вы со Стёпкой.

– Не тяжко ли, Разбойник, увесистый туесок на спине таскать? – отозвался гонец.

– Своя ноша не тянет, – назидательно ответил тот. – Погляжу на вас, когда достану каравай.

– Окорок, небось, тоже найдется? – облизываясь, спросил Стёпка.

– Ха! У меня ещё и яблочки моченные в наличии имеются. Право слово, я такой хозяйственный, что сам на себя нарадоваться не могу! – весело ответил Разбойник.

– Я прежде думал, что ты токмо честных людей умеешь пугать, а вона какая домовитость в тебе имеется, – с уважением произнес Ерёмка.

– Оно, когда на дубе сидишь, да свистишь, то ветер в голове гуляет и шибко на озорство тянет. А ежели делом добрым занят, то и мысли дельными становятся.

– Сколько же нам ещё идти? – спросил Стёпка. – Что-то Земля у нас бескрайняя. Пустое навывдумывал царь Дорофей, а мы отдувайся.

– Приказ царский надобно исполнить, а то соромно домой возвращаться. Слово-то я дал крепкое гонцовское: найти Край Земли.

– Ну, ежели так, – понимающе согласился Разбойник, – то надоть слово держать.

Стёпка побежал вперёд. Некоторое время Ерёма и Соловей-Разбойник шли молча. Ноги скользили по слякотной дороге. Под мелким дождём Ерёмкина рубаха вмиг промокла. Разбойник шёл ходко, беззаботно посвистывая, нипочём была ему непогода. Сырой ветер, подхватив листву, закрутил её.

– Глянь, Еремейка, словно ладошки машут листочки – с летом прощаются. Ветер их треплет, треплет, пугает скорыми холодами. Смотри, смотри, гриб из-под хвои выглядывает. Напыжился на зиму подбирающуюся. Дорога под ногой хлупает, будто баба плачущая, а лужи, слово глаза слезами наполненные. Жалеют, небось, о солнышке и тепле.

– Цветистыми прозопопеями изъясняешься, Соловей, точь-в-точь пиит, – почтительно отозвался Ерёма. – При дворе Дорофея есть стихоплет, но жидковат он супротив тебя. Может, пойдешь на государеву службу, будешь Дорофею оды с панегириками слагать?

– Чтобы я да в услужение? – возмутился Разбойник и вдруг насторожился. – Чуешь? Шумит кто-то.

– Никак Стёпкин голос? – всполошился гонец.

Разбойник крякнул:

– Куда нелегкая занесла неугомонного? – и, поправив короб на спине, побежал на голос. Ерёмка, подтянув лапти-скороходы, помчался следом. Однако Соловей бежал проворнее.

– Эй, подожди, – прокричал гонец Разбойнику.

– Шибче, шибче давай!

Ерёма проворчал:

– Дык я в лаптях-скороходах за тобой не поспеваю.

Разбойник оглянулся и хитро подмигнул:

– Дык ты в лаптях-скороходах, а я в сапогах семимильных.

– Несправедливость выходит. Не по чину тебе сапоги. Мне они надобны. Я скороход, – пробубнил Ерёмка, наступив в лужу.

– Я тебе свистульку звонкую подарю, чтобы ты не по чину свистеть мог. И будем в расчете, – хохотнул Разбойник и скрылся за поворотом.

Гонец вздохнув, поспешил следом.

Через малое время Ерёмка нагнал Соловья. Тот уже сидел рядом со Стёпкой, издающим истошные вопли.

– Стёпушка, голубчик, почто столь жалостливо надрываешься, ажно душа моя бездушная сокрушается по тебе? – спрашивал Соловей. – Что за кручина с тобой приключилась?

Пёс, будто не слыша Разбойника, насадно выл. Ерёма дернул Стёпку за ухо:

– Ты чего это разорался, лопухий? Иной забавы нет?

– Какая уж тут забава, – с трудом проговорил пёс. – Беда большая впереди... Ох беда, беда, беда!

Ерёма огляделся. Дорогу перегородил камень, за ним легла серая омертвелая пустошь. Тянулась она бескрайно, единственное украшение – бурые колючки торчащие клочками. По эту сторону шёл дождь, за камнем над пустошью суховея поднимал белёсую пыль.

– М-да, – Ерёмка почесал затылок, – смурная картинка.

– Беда, беда, беда, – причитал Стёпка.

– Да где беда-то? – рассердился Ерёма. – Никого вокруг на сто вёрст!

– За камнем большая беда, – завыл пёс с новой силой.

– Эй, гонец, отстань от Стёпки. Пусть поорет, ежели душа того требует. Лучше глянь, какие-то буковки на камне нацарапаны.

– Так почитай, – отмахнулся Ерёма, вглядываясь вдаль.

Соловей-Разбойник стусевался, но принялся читать:

– Как му ех ву не ти не ти ни ох ему, ни ое ему, ни олетному.

– Что это ты по басурмански залопотал?

– Грамоте-то я не сильно обучен. Какие буковки знал, те и прочитал, – засмутился Разбойник.

– В таком разе отойди, не закрывай обзор, – важно произнес Ерёма и прикоснулся к камню, чтобы стряхнуть дорожную пыль.

Чёрный валун задрожал под рукой, из недр его раздался сдавленный звук, будто пел кто-то, но пел, задыхаясь, с болью. Уродливые трещины, поползли по поверхности и, замысловато переплетаясь меж собой, превратились в письмена. В них из глубоких каменных борозд, будто из живых ран засочилась горячая красная кровь. На чёрном валуне ясно проявилась надпись:

– Как пряму ехати – живу не бывати – нет пути ни прохожему, ни проезжему, ни пролётному.

После письмена будто покрылись мутноватой слюдой, чрез неё шло завораживающее рубиновое мерцание букв. Стёпка, поджав хвост, прибился к ногам Соловья-Разбойника. На того же то ли от удивления, то ли испуга напала икота, которая мешала сказать хоть слово. Ерёмка не мигая, тарачился на камень. Наконец Разбойник смог произнести:

– Ч-ик-тай!

Письмена на камне потускнели, трещины сомкнулись, и пред путниками вновь лежал валун в своем первоизданном виде. Поверхность его выщербленная ливнями, местами выбеленная солнцем, сморщилась старческой кожей. Звук затих в глубине камня. Слышно было только, как дождь стучит по валуну.

Ерёма тряхнул головой:

– Ить, морок на меня навёл булыжник! Туточки не велено за камень идти. Беда большая будет.

– Да какая такая беда-то? – Разбойник всплеснул руками. – Заладили беда-беда. Берегись бед, пока их нет. А коли есть, то чего уж хвост поджимать?

– Как бы и твоя правда, Соловей, – согласился Ерёмка. – Но грозитя каменюка жизни нас лишить.

– Это как? – вытаращил глаза Разбойник.

Затем недоверчиво посмотрел на Стёпку и Ерёмку, но на всякий случай подальше отошёл от камня:

– Одначе сомнения меня берут на слова твои, друг мой дорогой. От булыжника, что и говорить, может н'апасть нап'асть. Но, то токмо ежели на голову упадет, али под ногу подвернется. Сей каменюка хоть и чудной, не по-доброму чудной, но смирный. Лежит себе тихохонько, прохожих пугает.

– Сей камушек вещун, – подал голос Стёпка. – Ежели что скажет, то и сбывается.

Соловей-Разбойник прищурился и сверкнул жёлтым глазом:

– И чего навещал вещун?

Пёс подбежал к Разбойнику и присел рядышком:

– Дважды уже. Первый раз каменюка грозил нам, что коня потеряем.

– Вот это беда, – понимающе кивнул головой Разбойник. – От того и пешком ходите?

Ерёмка поежился от промокшей насквозь рубахи:

– Не, коня у нас не было. Так что урон не понесли.

– Токмо Бранибора от чар моренкиных избавили. Ну, ещё Ерёмушка поборолся с ним чуток. Моренке руку отсёк, а она и разобиделась на это дело.

– Получается, что и зла никакого не было, – подвел итог Разбойник. – А другой раз?

– Другой раз ты сам видел. Обещал камень, что себя забудем. Вот и попали мы в Землю Грёз.

– Так опять же ничего дурного не случилось, – задумался Разбойник. – Звон-Парамон видимость приобрел, да и мы целые вышли.

– А утоп я? Это как? Не считается? – обиженно надул губы Ерёмка. – По-вашему, утоп и утоп – потеха, мол.

Разбойник, вспомнив Ерёмку на дне реки, прыснул:

–И прям потеха!– и, не выдержав, покатился со смеху.

Он так заразительно смеялся, что Стёпка не удержался и тоже захихикал, вспоминая испуганного и мокрого Ерёмку.

– Небось, сам запамятовал, как в русала превратился? – покраснев от обиды, проворчал гонец. Затем став серьезным, сказал. – Дело каверзное тут. Можем не токмо коня лишиться, какого и не было, а жизни молодой.

– Не серчай, братишка, я не от зловредности характера, а от веселости, – Разбойник подошёл к Ерёмке и утешающе похлопал по плечу. – Ну, коль такие унылые мысли тебя одолевают, то путь у нас один – вперёд. Да и скучно понапрасну ноги стаптывать. Где тот Край Земли? Может, его и нет.

Гонец упрямо нахмурился:

– Должен быть Край Земли. Царь Дорофей не мог ошибиться. Да и что мы, зря столько верст отмахали?

Соловей-Разбойник пожал плечами:

– Должен, так должен. Слушай, Стёпка, здесь нам беда грозит, или где-то там, в непонятном месте?

Пёс деловито отряхнулся и сосредоточено принялся втягивать в себя воздух, пытаясь уловить все оттенки доносящихся издали запахов. Потом глубоко задумался, закатив глаза.

Разбойник и Ерёма терпеливо ждали. Пёс, казалось, впал в оцепенение, он даже не моргал. Первым не выдержал Разбойник:

– Да говори, Стёпка! То воеет до невозможности, то слова не добьёшься.

Переведя дыхание, ещё чуток помолчав, пёс шепотом произнес:

– Дело тут путанное. За пустошью горе большое. Чувствую его, но точнее не скажу. Камень же сей необычный. Дух от него идет и живой, и пустой разом. Голос слышу, но голос слабый и нечеловеческий. Будто кто-то и поет, и плачет, а слов не разобрать.

Разбойник недоверчиво сверкнул лиловым глазом:

– Много я повидал на своем веку, но чтобы камень пел нечеловеческих голосом...

Затем на цыпочках, словно опасаясь, подошёл к валуну и приложил ухо. Некоторое время сосредоточено слушал, но ничего не услышал. Постучал по камню:

– Эй, есть кто? – и опять приложил ухо, чуток послушал и протянул разочаровано. – Шутковал ты, небось, Стёпка, молчит каменюка бесчувственная. Да и с какой такой радости ей рулады выводить?

– Есть там кто-то, – убеждённо заявил Стёпка. – Я царский порученец, а не пустобрёх. Ежели говорю, то по делу.

Разбойник хмыкнув, постучал по камню:

– Эге-гей, колодник, отзовись!

– Погодь, Разбойник, – беспокоился Ерёма. – Чародейство, похоже, туточки. Не зря письма на камне проявились, да сгинули бесследно.

Соловей отмахнулся:

– Ты меня чародействами не пугай, сам могу, кого хочешь застрашать.

– Одначе бабы заполошной в Земле Грёз забоялся, – хихикнул Степан.

– Сравнил! – возмутился Соловей-Разбойник. – Там вправду страшно было. Не баба, а разрыв селезёнки, – и, увидев, что Ерёма полез в котомку за жар – пером, остановил его. – Погодь, без тебя найдется, кому разобраться. Токмо откатитесь со Стёпкой, дабы худа с вами не приключилось.

Пёс фыркнул:

– Нам ли бояться, коли самого Князя Мрака мы испепелили в труху?

– Ох, и балабол ты, Стёпка. Сказал же, откатись в сторону! – Разбойник, схватив пса за холку, запихнул того в короб. – Сиди тихо!

– Занапрасно ты меня вот так без всякого респекта, – только и успел сказать Стёпка, как Соловей захлопнул крышку.

Ерёма попытался вступить, но Разбойник так сверкнул на него лиловым глазом, что гонец, молча подхватив короб, стащил его с дороги. Сам залёг рядом. Разбойник бросил через плечо:

– Уши закрой, оглохнешь, паче чаяния!

Затем, набрав воздух в грудь, свистнул. От свиста того трава к земле пригнулась, сухие ветки посыпались с дерев. Короб в сторону отнесло, Стёпка жалобно твякнул, да замолк. Гонец ползком добрался до короба, вцепился в него и замер. Соловей напрягся и свистнул другой раз. С валуна посыпалась каменная крошка, завертелась в круговерти, пронеслась мимо Ерёмки, оцарапав лицо ему. Валун треснул, но не рассыпался. Третий раз свистнул Соловей. Свист, словно гром небывалый прокатился окрест, земля дыбом встала, дубы и ёлки корнями наружу вывернуло. Эхом повторился свист, но зазвучал уже звонко, зазвенел струной натянутой. Рассыпался валун. Отлетели куски в стороны. Какие помельче, брызги подняв, в лужи упали. Большие в сыру землю ушли. А свист всё не умолкает, звенит эхом и не понять, как сие выходит. Поднялся Ерёма на ноги, глядит во все глаза. Стёпка из короба вылез, отряхнулся, хвост боязливо меж ног прижимает. Рассыпался валун до последнего камушка, до последней песчинки, и предстало пред ними диво дивное. Голова женская, лик чист, да печален. Глаза же пелена

застит. Тело птичье. Оперение небеса грозовые напоминает, каждое перо своим цветом окрашено от иссиня-черного до лазурного, словно чрез тучи пугающие свет ясный пробивается. Одначе крылья связаны. Цепями ржавыми ноги спутаны.

– Кошки-матрёшки, кочережки в лукошке! – ахнул Соловей. – Что за невидаль? Ты девица али птица?

– Птица, птица... – раздалось эхо.

Стёпка ошёлочно прошептал;

– В птицу оборотился валун.

– Гамаюн, Гамаюн, – ответило эхо.

С трудом подняла голову птица Гамаюн, запела песнь протяжную, грустную. Слов не разобрать, только печалование в каждом звуке такое, что сердце холодит, душу плакать заставляет. Притихли Ерёма и Стёпка. Соловей рукавом глаза утёр, чтобы никто не заметил слезу наворачивающуюся, после тряхнул головой, от наваждения спасаясь, нахмурился:

– Ты этого того, уж не знаю, птица ты али девица, одначе уймись с кручинными песнопениями. Попервости рассупонить тебя надобно. А то всяк бы на твоём месте грусть-печаль разводил. Видать, не сама себя сковала-связала.

Опустила голову Птица Гамаюн и смолкла. Схватился Соловей за цепи железные, да порвать не может их. И так и этак тянет, руки в кровь ободрал, а цепи целёхоньки. Стёпка переживает, бегаёт вокруг, лает, советом помочь пытается, да только толку от его советов нет. Посмотрел-посмотрел Ерёма на товарищай, почесал в затылке, полез в котомку:

– Отойди, Соловей, теперича мой час.

Достал жар-перо, а от него свет идет мягкий перламутровый и будто солнышко осеннее ласково прикоснулось к каждому. По стёпкиной физиономии нежданно улыбка безмятежная расплылась. Черты лица Разбойника смягчились, зачарованно уставился он на серебристо-розовые переливы.

– Авось подарок Батюшки Солнца подмогнёт нам и в сей раз.

Направил жар-перо на Птицу Гамаюн. Свет жемчужный переливчатый окутал птицу. Отлетели цепи сами по себе. Веревки, крылья связывающие, соскользнули. Лазурь пробилась сквозь черноту, окрасив собой оперенье. Серебристо-белая окаёмка легла на трепетавшие крылья. Взглянула ясными глазами Птица Гамаюн, поклонилась:

– Спасибо вам, добры молодцы, за вызволение из плена каменного. Кабы не вы, век бы света не увидала, век бы песен не пела.

– Ну, мы на это дело мастаки, – заважничал Стёпка. – Не впервой.

– Погодьте, други! – вдруг встрепенулся Соловей. – Стало быть, я теперича вовсе и не разбойник, а напротив – молодец?

– Знамо дело, удалец, удалец! – раздался голос знакомый голос, груда каменных обломков зашевелилась, и наружу вылез Звон-Парамон.

Был он изрядно помят, но физиономия сияла, как начищенный самовар. Одежка была уже не столь франтовая: простая льняная косоворотка, штаны, да лапти. Одним лишь украшением побаловал себя Парамон, онучи подвязал алыми шёлковыми поворозами, да на шею щегольский бант красовался.

– Ты откуда явился? – удивился Стёпка.

– Из Страны Грёз, – от радости встречи пританцовывая, ответил Парамон. – Первое время приохотился я платья менять. Как триста сорок восьмое сменил, тоска стала душу грызть. И грызет, и грызет! Платья уже не радуют. Заскучал я по вас, други мои дорогие. И решил, будь что будет! Хоть эхом бестелесным, хоть в человеческом обличье, но найду вас. И оба-на! Получилось явиться пред вами во вполне достойном виде.

Кинулся он обниматься со Стёпкой и Ерёмкой. Соловей стоял в сторонке.

– Эх, Соловушка, мой родненький, я бы тебя тоже обнял, но по росту своему малому, могу токмо сапог твой прижать к груди!

Соловей рассмеялся и, подняв Парамона, потрепал его по макушке:

– Молодчина, Парамон! Скучал я по тебе шибко. Мы же с тобой как братья, ты голосом камни гранитные рушишь, а я свистом.

– Погодите с обниманиями, – прервал всех озабоченно Ерёма. – Пусть Птица Гамаюн расскажет нам, что с ней приключилось. Как в плену каменном оказалась?

Печальной стала Птица Гамаюн, потемнели её крылья, словно небо хмурое стали:

– Замуровали меня в камень прислужники чернобоговы, чтобы не могла я свои песни петь, чтобы не могла правду людям рассказывать. Расставили силки, сделали их прозрачнее воздуха. Опутали они, скрутили мне лапы и крылья. Тотчас прислужники явились. Хохотать принялись, глумиться, радоваться, что более не услышать люди голоса моего. Затем сеть каменную набросили. Покрыла она меня, да в малое время в валун превратилась. Чернобог страшнее князя Тьмы и Мрака. Коварнее, злее.

– Да ладно, – недоверчиво сказал Ерёма, – Неужто страшнее Князя Тьмы и Тлена можно быть?

В тот же миг небо пропало, пустота чёрная разверзлась. Тьма непроглядная поползла со стороны пустоши омертвелой. Грохот сопровождал её. Такой грохот, будто сотни сотен камней, покатались с гор, тысячи тысяч громов гремели одновременно. Липким холодом веяло от той тьмы.

Соловей-Разбойник ошалело уставился на надвигающееся страдание:

– Ёк-макарёк, лысый пенёк! Бежим!

Схватив короб, засунул туда Стёпку, сверху кинул Парамона и, не закрывая крышки, пустился наутёк. Ерёмка засуетился, побежал следом, потом остановился.

– Не, Соловей, не годится так! – крикнул он. – Разве можем мы бросить птицу? Не для того её вызволяли из плена каменного, чтобы она опять туда попала.

Развернулся и пустился в обратную сторону, шлёпая лаптями по лужам. Разбойник оглянулся, вздохнул и, обогнав Ерему, прибежал первым. Чернота уже опутывала Птицу Гамаюн. Оперенье её вновь потемнело. Билась Птица, кричала страшным голосом, но слабел её крик с каждым мигом. Вот уж биться перестала, уж голова поникла. Ещё чуток и совсем пропадет Птица Гамаюн.

– Давай, Парамоша, попробуем вместе, – шепнул Соловей и, набрав в грудь воздух, свистнул, что было мочи.

Звонким эхом отозвался Звон – Парамон. Но не простым эхом. Звучали в нём и развесёлый щебет птиц, и шум солнечного водопада, и уютный треск дровишек в костре, и перекличку косарей, и девичий смех, и даже добродушный рык Топтыгина. Шарахнулась в сторону чернота. Ерёмка же не растерявшись, схватил обессиленную Птицу Гамаюн, зажал подмышкой без всякого уважения, будто гуся с базара тащил, да и побежал, не чуя ног под собой. Сзади тяжело сопя, топал Разбойник.

– А далеко ли нам бежать? – тут же запыхавшись, спросил Ерёма. – Птичка-то пуда на полтора тянет.

– Беда мне с вами квёлыми, – Разбойник перехватил Птицу. – Беги, как можешь, тебя мне уж никак не донести.

– Сам справлюсь, – пробурчал Ерёма и припустил, что было мочи.

Глава II

– Не отчаялась ли ты, Марьюшка, матушку найти? – спросил Макар, присаживаясь отдохнуть.

– Дальний путь мы проделали, но верю, найдем матушку. Подсказывает сердце, скоро уже.

Макар погладил Марьюшку по голове:

– Сердце никогда не обманывает, значит, скоро встретишься. Думаю, что и она тебя не забыла, разыскивает.

Потупилась Марьюшка от смущения:

– Давно хочу спросить тебе, Макар, да не решалась всё. Дорога у нас нелёгкая, а ты не молод. Трудно тебе, поди.

– Неразумное дитя! – засмеялся Макар. – Когда я был горбат, колченог, а люди звали меня Коричневым Карликом, то всяк день был мучителен. А нонче я – ух, какой! Руки-ноги на месте, сила есть, можно разве большего желать? В радость мне тебе помочь. Окромя тебя и нет никого у меня на белом свете. Ты передохни, а я огляжусь, куда это мы с тобой пришли, может деревенька недалече. Авось и пустят люди добрые переночевать. Может, подскажут, в какую сторону идти, – сказал Макар, легко поднялся и пошёл по дороге.

Марьюшка проводила задумчивым взглядом Макара, прилегла на травку и задремала. Показалось ей, будто кто её толкает:

– Вставай, неблагодарная девка!

Подскочила испуганно, да никого не видит, только голос злой шипит:

– Забыла, кому жизнью обязана? Забыла, кого отцом звала-величала?

– Кто ты? – испугано вскрикнула Марьюшка. – Покажись!

– Дай мне каплю своей крови, – прошептал сильный голос, – покажусь.

Лёг перед девицей нож. Рукоять из кости человеческой сделана, лезвие блестящее острое, всполохи по нему идут багряные.

– Возьми нож, дай мне каплю, всего лишь каплю крови.

Не испугалась Марьюшка, рассердилась:

– Поняла кто ты! Ты тот, кто лишил меня отца и матери. Тот, кто обманул меня. Тот, кто души безвинные губил! Скажу тебе, Князь Мрака и Тлена, ты мертв. Ты ничто! Нет твоей власти надо мной.

Задрожал нож, приблизился к горлу марьюшкиному, ещё чуть-чуть и возится, прольётся кровь. Схватила девица нож, да превратился он в змею. Завернулась вокруг руки кольцами змея, шипит, зубы ядовитые показывает.

– Ах, вот ты как! – разгневалась Марьюшка. – Крови тебе горячей надо? Получай! – оторвала голову змее, бросила её на землю.

А голова продолжает шипеть, зубы показывает:

– Понапрасну ты это сделала, глупая девка! Теперича кровь увечного карлика на тебе будет. Его найду, его кровью напьюсь.

Сказала так змеиня голова и исчезла в одночасье. Тело змеиное соскользнуло с руки, упало наземь и в прах рассыпалось.

Очнулась Марьюшка бледная, дрожит вся.

– Ох, и гадкий сон!

Вокруг полуденницы собрались, охают, ахают:

– Нет, Марьюшка, не сон, морок навел на тебя Князь Мрака и Тлена. Ты прилегла на траву его, вот и привиделось.

Показывают девы полевые траву, а та с цветами чёрными, стебли змеями извиваются, листья острые, как ножи, да кайма багряная. На концах листьев ягоды, но непростые. Сами желтые, посередине продольная черная полоска, будто змеинный зрачок, следящий за всеми.

– Да как так? – удивилась Марьюшка. – Князь Мрака в пепел превратился, схоронили тот пепел глубоко.

Полуденницы всплеснули руками:

– Из глубины он и лезет то травой ядовитой, то ягодами волчьими. Морок наводит на живых.

– Ну, коли морок, то не велика беда, – отмахнулась Марьюшка. – Скоро Макар вернется, пойдем дальше матушку мою искать.

Зашумели девы полевые, Марью за руки схватили, потащили по дороге:

– Нельзя ждать, предупреждение сие для тебя. Беги за Макаром. Князь Мрака хоть и в пепел превратился, но может ещё бед наделать. Беги, предупреди дедушку Макара.

Забеспокоилась Марьюшка:

– Спасибо, сестрички! Послушаюсь вашего совета, предупрежу Макара.

Бежит со всех ног, время от времени останавливается, прислушивается, может, голос Макара слышен будет. То сама крикнет:

– Ау, Макарушка! Отзовись! Где ты?

Услышала шум вдали, повернулась в ту сторону, видит, бьются двое.

– Ох, не зря меня предупреждали полуденницы! – ахнула девица. – Кабы и в самом деле беды не случилось! – и припустила вовсю прыть.

Добежала и видит, Макар с парнем молодым борется. Силен Макар, а парень сильнее, ловок Макар, а парень ловчее. Видно, устал Макар уже, рубаха к спине прилипла, кряхтит, но держится. Прихватил парня за грудки, да тот вывернулся, повалил Макара на землю, подмял под себя, занес руку, чтобы ударить, а в руке вдруг нож появился. Ручка из кости человеческой, лезвие острое, багряные всполохи по лезвию бегут. Закричала страшным голосом Марьюшка, вцепилась в волосы парню, треплет его:

– Отпусти, Макарушку, душегуб!

А он не слышит, не чувствует, в раж вошёл. Ещё чуть-чуть и зарежет Макара.

От гнева у девицы глаза потемнели, и откуда только сила в ней взялась, вывернула руку парню, укусила, что было силы. Дрогнула рука, разжались пальцы, нож упал наземь. Отпихнула его Марьюшка подальше. Сама отскочила от парня, а нож рукой боится брать, что делать не знает. Толкнул Макар парня, тот кулем и свалился. Поднялся, утёр пот со лба:

– Ах ты, шаромыжник! К нему по-людски, а он с кулаками кидается. Так бы и врезал! Да лежачих не бьют, – негодует Макар.

Отдышался и спрашивает:

– Ты как здесь, Марьюшка?

– Погоди, Макар, с вопросами, дело важное надо сделать, потом разговоры.

Парень же лежит, не шелохнется, глаза закатил.

– Повремени с делами, видишь человек в беспамятстве, кабы не помер.

– Успеется, – нетерпеливо ответила Марьюшка. – Да и не надо сейчас, чтобы он видел, чем займемся.

Показала на нож, да рассказала, что приключилось. Задумался Макар:

– Вот значит, каков Князь Мрака. Испепелили его, а он всё одно крови горячей жаждет. Не бывать этому! Ох, осерчал я, Марьюшка!

– Так что делать-то будем? Как изведем волшбу князеву?

– Средство у нас одно – огонь жаркий.

Подложил Макар под нож травы, веток сухих, зажёл костерок. Как только охватило пламя нож, извиваться он стал, шипеть. Макар внимания не обращает, знай себе, ветки подклады-

вает. Чёрный дым пошёл и вдруг разом сгустился и предстал Князем Мрака и Тлена только бесплотным, дрожащим на ветру. Сипло зашепелявил Князь:

– Изведу, изничтожу! Напьюсь твоей крови, уродец!

Макар посмеивается только, да костерок всё жарче раздувает. Злится Князь:

– Почто молчишь, Карлик? Забыл уже, как одного моего вида боялся? Забыл, как прислуживал мне?

– Дык с тобой надоть говорить, токмо гороху наевшись, Князь. Да и какой ты нонче князь? Сград один, – взяв ветку, принялся дым разгонять.

То по носу княжескому веткой пройдет, нос к пяткам и сползёт. То по ногам хлестнёт, ноги в разные стороны и разлетаются, а то и по спине перетянет, дырка на месте спины образуется. Беснуется Князь, крутится, вертится, подпрыгивает, да много ли попрыгаешь, ежели ты дым? Костерок меж тем прогорает, нож уж в пепел превратился, да и Князь совсем невидимым стал, прошипел в неистовой злобе:

– Оживит меня Чернобог, поквитаюсь с вами, – и исчез бесследно.

– То ещё твоя лысая бабушка надвое сказала, – усмехаясь, ответил Макар и развеял по ветру пепел.

Марьюшка облегчено вздохнула:

– Уф, обошлось!

– Обошлось, – согласился Макар. – Но вот ума не приложу, что за парень со мной дрался.

Марьюшка оглядела парня. Одежда на нем дырявая, пыльная, лапти дранные, длинные волосы лицо закрывают.

– Иду, вижу, лежит этот окаянник и не понять, спит али в забытье, – начал рассказывать Макар. – Чуток толкнул его, чтоб пробудить, да дорогу спросить. А он ни с того ни с сего в драку полез. Глаза чумные, слышать – ничего не слышит. На уговоры не поддается. Долго мы боролись. Тут уж и ты прибежала.

Подошла Марьюшка к парню, пригляделась, да запечалилась:

– Знаю его. Славный воин. Был когда-то.

– погоди, причитать, может и не помер, – Макар приложил ухо к груди парня. – Стучит сердечко, стало быть, жив.

Достал флягу, сбрызнул лицо парню. Очнулся тот, сел, смотрит непонимающим взглядом:

– Где я? Что со мной?

– Зовут-то тебя как? – спросил Макар.

– Бранибор – странник.

– На странника не похож, быстр и ловок. Вот и Марьюшка говорит, что воином ты был.

Посмотрел парень на Марьюшка, да и замер, глаз отвести не может. Перевёл дыхание и спрашивает:

– Ты кто, милая барышня? Не думал, не гадал, что есть такие. Краше тебя и не встречал я.

Смутилась Марьюшка, бросила взгляд на Бранибора, да потупилась:

– Так уж и не встречал? – спрашивает.

– По чести сказать, свела меня судьба с одной девицей. Мореной звали. Спасла от лютой смерти она меня. Красивая, но красота её омутная. Говорит с тобой, а руки-ноги цепенеют. Смотрит на тебя, а душу, будто в пучину затягивает, задыхается душа – не выбраться. Жизни в Морене нет. Безжалостна и холодна она. Ты же, краса-девица, совсем другая. Похожа на неё, но будто Морена отражение твоё из вод темных. От тебя свет идёт, словно солнышко в чистой реченьке сверкает, сердце нежностью наполняет – жить хочется.

Зарделась Марьюшка, никто ей таких слов не говорил, а затем отвечает:

– Зовут меня Марьей. А это Макар, батюшка он мне.

– Откуда меня знаешь, Марья? Неужто встречались, а я запомнил?

– Может, и встречались, – отвечает она.

Поглядел Макар на Бранибора, на Марьюшку, смекнул в чем дело и спрашивает:

– Вижу, что парень ты вроде и неплохой, чего это вдруг с кулаками полез?

Пожал плечами Бранибор:

– Прости великодушно, отец, но не знаю, что и ответить тебе. Чудное приключилось. Помню только, шёл по дороге, траву увидел диковинную с цветами черными, стебли змеями извиваются, листья острыми ножами торчат, да кайма багряная на них. На концах листьев ягоды, но непростые. Сами жёлтые, посередине продольная чёрная полоска, будто змеинный зрачок, следящий за всеми. Сорвал полюбопытствовать. А более ничего не помню.

– По какой же надобности странствуешь? Что за нужда заставила тебя по белу свету скитаться, воин?

Не успел ответить Бранибор, как всадники на дороге появились. Плащи зелёные на них, золотом отделаны, шапки бобровые, сапоги блестящие со шпорами. Кони все как один каурые, гривы лентами заплетенные. Скачут во весь опор, нагайками воздух хлещут, кричат:

– Стоять! Догоним, высечем!

Вскочил на ноги Бранибор, собой Марьюшку закрыл, прошептал:

– Беги, отец, с Марьей в лес, прячьтесь. Непонятно какие люди, видать не с добром.

– Нет, парень, одного я тебя не оставлю, – говорит Макар. – Их погляди с десяток. Одному тебе не устоять. А ты, Марьюшка, пока время есть, беги, затаись в лесу. Ежели что, не поминай злым словом.

– Не пойду прятаться. Не брошу вас, – отвечает Марья. – И драться не надо.

Вышла вперёд, подняла руку, да крикнула сурово:

– Стоять, холопы! Чьих будете? Почто крик подняли?

Опешили всадники, коней остановили, недоверчиво разглядывают Марью, молчат. Окинула она их взглядом грозным, вновь говорит:

– Неужто я, княжна, должна вдругорядь вас, холопов, спрашивать: чьих будете?

Спешились всадники, шапки сняли, поклонились Марье:

– Мы стражники боярина Бубякина. Увидали они вас с пожарной каланчи, велели узнать, кто по их земле ходит, беспорядки творит.

– Доложите боярину... Впрочем, сама с ним поговорю. Подайте коней мне, моему батюшке и моему воеводе. Сами же рядом побежите, дорогу будете показывать, – велела Марья.

Засуетились холопы, подвели коней. Сели Марья, Макар и Бранибор, пришпорили каурых и поскакали. Холопы рядом бегут, шапки с голов сползают, пот глаза застит, но поспешают, дорогу показывают.

Глава III

Подъехали к бубякинскому дому. Забор высокий из тёсаного камня стоит вокруг дома, ворота дубовые на крепкий замок заперты. Из-за забора лишь черепичная крыша виднеется, да каланча пожарная небо подпирает. Робко стражники постучали в ворота. Никто им не открывает. Ещё раз постучали. Вновь тишина.

– Может, вы и не стражники боярина Бубякина, а самые что ни на есть лиходеи? – ухмыльнулся Бранибор. – От того вам и ворота не отворяют?

– Что ты! Что ты! – замахали они руками. – Стражники мы. Токмо у нас беда с радостью пришла.

– Как так? – спрашивает Макар.

– Пропал наш боярин по зиме. Почитай полгода их не было. Уж и не чаяли живыми увидеть, – принялся рассказывать старший. – Боярыня, как полагается, поплакала, затем утешилась, а опосля принялась хозяйством распорядиться. Ладно выходило у неё. Но тут является обратно боярин. Да не один, а с Акишкой. Кто таков и не понять, – вздохнул стражник. – Боярыня как барина увидела, обрадовалась, весёлая стала. Всем дворовым подарки самолично поднесла. Три дня пировали, а на четвёртый день Акишка стал в доме верховодить. Боярин с боярыней свою опочивальню уступили ему. По утрам Акишке девки пятки чешут. Когда он спит, то не смей шуметь. За то могут на конюшне выпороть.

– Да кто ж таков этот Акишка? – удивляется Марьюшка. – Впервые слышу о таком!

– Не знаем, не ведаем. Но власть имеет он над барином нашим. Вот потому мы и боимся Акишку разбудить. Боярин же Бубякин завсегда крутым нравом славились. Сами же теперича на цыпочках ходят, когда Акишка храпака дает. И не велят его звать Акишкой, а токмо Ким Терентьевич.

– И что, силен и быстр на руку Ким Терентьевич? – полюбопытствовал Макар.

– Да какое там! – вздохнул стражник. – Сморчок! Глянуть не на что! Но в страхе Бубякина держит.

– А вы-то чего, стражники? – удивился Бранибор. – Зачем Акишку терпите?

– Ну, ежели его сам Бубякин боится, то и нам лучше не высовываться, – отвечают стражники. – Мы-то люди маленькие.

Макар с тоской посмотрел на запертые ворота и спросил:

– Стало быть, пред воротами нам стоять пока Акишка не проснется? Стражники переглянулись и шёпотом ответили:

– Когда Ким Терентьевич пробудится, то шуметь опять никак нельзя.

– Отчего же?

– Не любит он шум особливо после сладкого сна. Неблагодарно, говорит, выходит для его ушей.

Марьюшка рассердилась:

– Что же сразу не предупредили, что в дом бубякинский никак не попасть?

Стражник махнул рукой в сторону каланчи:

– Не серчай, княжна, теперича будем ждать, когда сами боярин Бубякин на пожарную каланчу залезут, а оттуда нас углядят. Пока же, княжна, милости просим в шатер. Боярин привез его из дальних странствий. Там и отдохнете.

Взяв коня под уздцы, повел к шатру.

– Да как же он нас увидит? – удивился Макар.

– На то у нас хитрость имеется. Мы над шатром флаг вывешиваем.

Шатер и в самом деле был хорош. Зеленого шёлка, расписной. Внутри восточные ковры лежали, диковинные топчаны стояли, чтобы путники могли отдохнуть на них.

Только вошли путники в шатер, откуда ни возьмись, слуги появились, блины несут, а к блинам и сметану, и маслице, и мёд. Самовар тащат, а самовар уж пыхтит разгорячённый. Бранибор оживился:

– Блин не клин, брюха не расколется.

– Кому чин, тому и блин, – с поклоном отвечал стражник. – Кушайте на здоровье, отдыхайте с дороги долгой. Как только барин ворота откроет, я вас извещу.

– Погодь, – остановил его Бранибор. – Как зовут тебя, братишка?

– Фрол я.

– Садись с нами, поди, тоже намаялся на боярской службе.

– Не можно нам с княжной за одним столом сидеть. Но спасибо на добром слове, – поклонился и вышел из шатра.

Макар и Бранибор навалились на блины, разбрызгивая сметану и масло по столу. Марьюшка ела задумчиво.

– Что пригорюнилась, деточка? – спросил Макар

– О матушке думаю, столько времени её ищем, а куда идти, где искать и не знаем.

– Не горюй, найдем обязательно, – ответил Макар.

– Ты, Марья, откушай блинов, сил надо тебе набираться. Дело-то нелегкое странствовать, – сказал Бранибор.

– Передохнем чуток и пойдем дальше, – согласился Макар. – Не будем боярина Бубякина ждать. Шут его знает, каким таким Акишкой он обзавелся.

Марьюшка вздохнула и принялась за блины. Не успели они закончить трапезу, как раздался жуткий грохот и крик:

– Эй, вы там что? Все заснули?

О неожиданности Марьюшка вздрогнула. Затем раздался залиvistый собачий лай, опять крики:

– Отойди, нонче я не в духе! Могу зашибить!

Послышались оглушительные удары и уже сердитое гавканье. Бранибор, Макар и Марьюшка выбежали из шатра. Около бубякинского забора копошилась куча – мала. На Соловья Разбойника навалились стражники, он же отпихивая их, прорывался к воротам, вопя:

– Пустите, оглоеды, жизни лишу! Жалеть будете, да поздно!

Стражники тоже не молчали:

– Не шуми, башибузук, Ким Терентьевич опочивает!

Вокруг носился Стёпка, надрывая глотку. Ерёмка согнувшись под тяжестью короба, мелкими шажками, чтобы не заметили стражники, пробирался к бубякинским воротам. Добравшись, принялся колотить, что было силы:

– Эй, хозяйева, отоприте-отворите!

– Честных путников пустите! – вторил ему Звон-Парамон.

– Что же, как сычи сидите? – верещал Ерёмка.

– Вы разбойничка не злите! – вслед гонцу трезвонил Парамон.

Стражники оставили Соловья-Разбойника и накинулись на Ерёмку. Стёпка вцепился в штаны одно из них, злобно рыча:

– Р- руки убер-р-ри! Отгр-р-рызу!

Разбойник, вскочив на ноги, принялся раскидывать стражников в разные стороны. Одного из них откинул напрямиком на привязанную лошадь. Та испугано заржала, следом за ней встревожено заржали остальные.

– Давай, Соловей, давай! – азартно кричал Бранибор. – Задай феферу! Поучи караульчиков кулачному бою!

Марьюшка только осуждающе качала головой, но не вмешивалась. Макар посмеивался. Фрол достал боевой рожок и загудел. Ворота открылись, гремя щитами, высыпались стражники с копьями и мечами. Соловей ошарашено взглянул на суровых стражников, а потом взъерился:

– Ах, вот как вы, бряцалки боярские! Толпой меня решили победить? Не бывать этому!

Схватил первых двух, что попались под руку, стукнул их лбами друг об друга и отбросил, словно поленья. Поймал следующих, вновь столкнул лбами и третьих тоже. Караульщики оторопело шарахнулись от разгоряченного Разбойника и вцепились в Ерёмку. Руки начали ему вязать, рот кляпом затыкать. Бранибор кинулся на помощь Ерёме. Звон-Парамон, в силу малого роста, крутился под ногами стражников. Те, спотыкаясь об него, валились на землю. Парамон ловко вырвал у одного меч и, продолжая вертеться в шумной толчее, колот караульщиков в ноги. Они подпрыгивали, ругались, но поймать Парамона не могли, очень уж он вёрткий был.

Ворота вновь приоткрылись, наружу выглянул встревоженный и задыхающийся от бега боярин Бубякин. Ртом хватая воздух, он попытался крикнуть, да только дал петуха. Бросился к стражникам, но те, не разобрав, кто перед ними, схватили за ноги – за руки и, раскачав, откинули в сторону. Бубякин упал на шатер. Шатер завалился. Барин колотился, пытаюсь выбраться, но только сильнее запутывался. Стражник подловил Звона-Парамона и, приподняв, с удивлением посмотрел на него:

– Во, какая тля в бантах!

– Стоеросина в штанах! – обиделся Парамон и попытался ударить стражника.

– Ты не буянь! – рассердился тот.

– А ты отстань! – вышел из терпения Парамон.

Стражник осерчал:

– Путаешься под ногами!

– Не якшаюсь с дураками! – осердясь крикнул Звон-Парамон.

Стражник, не стерпев такого охальства, отвесил затрепину Парамону.

Покатившись кубарем, тот шлепнулся на боярина Бубякина.

– Все печенки раздавил, – охнул Бубякин, схватившись за живот.

Ворота опять открылись. Появился заспанный Акишка, почесывающий хилую грудь сквозь короткую засаленную ночную рубаху. Мосластые ноги торчали из обрезанных валенок, украшенных помпонами. Стражники тут же притихли, виновато опустив головы. Акишка сердито окинул взглядом всех, зевнул и спросил:

– Почто крик подняли? Марш все на конюшню! Будете пороть друг друга розгами, покамест я вкушать разносолы буду, – и надменно добавил. – Барыня мне уж самолично стол накрыла.

Кинувшись ему в ноги стражники, заголосили:

– Не вели казнить, вели слово молвить, Ким Терентьевич! Не наша в том вина.

И дружно указали на Соловья-Разбойника.

– Он зачинщик, он забиячил!

Фрол укоризненно покачал головой:

– Негоже, стражники, негоже.

Выступив вперёд, сказал:

– Я повинный, Ким Терентьевич. Стражников не трожь. Не почести сие будет. Я старшой, мне и ответ держать. Башибузук тоже ни при чем. Не мог он знать, что дозволено у нас, а чего нет. Вот такое мое слово.

Соловей-Разбойник ободряюще хлопнул Фрола по плечу, да так, что стражник присел:

– Ну, мужик, кремень! – с уважение сказал Разбойник. – Но перед кем винишься? – Соловей прищурился и неспешно с ног до головы оглядел Кима Терентьевича. – Перед этой немочью в помпонах? Узнал меня али нет, босяк? – спросил он, сверкнув желтым глазом.

Акишка попятился и заверещал:

– Бубякин! Где Бубякин? Звать стражников! Гнать в шею! Розгами, розгами его!

Услышав Акишку, боярин Бубякин всполошился и, с трудом перекатываясь через собственное брюхо, встал на четвереньки. Подняться ещё не успел, но уже испуганно затряс щеками:

– Поспешаю, поспешаю, Ким Терентьевич, оприходуем башибузука в один момент!

Парамон запрыгнув Бубякину на закорки, замахнулся на него:

– Не смей даже шебаршиться, прихвостень босяцкий.

Барин, прижавшись к земле, зашептал:

– Ежели бы вы от Акишки избавили, то благодать мне была бы. Измучил, извел меня лохмотник, всю кровушку испил, всю жизнь перелопатил.

Из-за кустов выставив рога, вылетела коза. Блеяние её было похоже на разъяренный вопль, в прищуренных глазах горел огонь, острые концы рогов блестели, хвост боевито торчал вверх. Стражники отскочили в разные стороны. Соловей-Разбойник присвистнул:

– От прыткой козы ни забор, ни запор. Не коза, а шишига рогатая!

– Не дерзи, – цыкнула на Разбойника через плечо коза и, подцепив на рога Акишку, принялась его трепать.

С худых акишкиных ног слетели валенки, помпоны отвалились, рубаха задралась выше головы. Стражники по первости обомлели, а затем загоготали во все горло, указывая пальцем на растрепанного и испуганного Акишку. Фрол крепился, прыская в кулак, но не выдержал и захохотал. Смеялись и Марьюшка с Макаром, и Бранибор, и Стёпка. Лишь Ерёма пристально разглядывал козу.

– Эй, Стёпка, скажи, мне мерещиться, али Гипотенуза нарисовалась пред нашими очами?

– Эй, Гипотенуза, – крикнул Стёпка, – почто не здороваешься? Своих не признала?

Коза сбросила Акишку с рогов, посмотрела на пса и гонца, и вдруг её морда расплылась в улыбке:

– Родненькие мои, уж и не чаяла вас живыми увидеть. Радость-то какая! – и забыв об Акишке, подбежала к Ерёме и ласково потерлась о ноги.

Босяк бочком-бочком отполз в сторону, жалобно хныкая и потирая ушибленные места.

Бранибор подмигнул Фролу:

– Вяжи голоштанника, да на конюшню его. Пуцай самолично розги попробует. Да уж и барина своего на ноги поднимите, а то непотребно выходит, когда боярин, аки червь земляной ползает.

Фрол кивнул стражникам, те подхватили и потащили сопротивляющегося Акишку на конюшню. Барина с почтением подняли, отряхнули и повели в палаты.

– Ты-то как тут оказалась? – спросил Ерёма Гипотенузу.

Коза тяжело вздохнула:

– У нас такие дела творятся в царстве-государстве, врагу не пожелаешь.

– Да говори толком! – забеспокоился Ерёмка. – Что случилось?

Коза опять шумно вздохнула:

– Право слово, язык не поворачивается .

Стёпка встревожился:

– Жив ли царь Дорофей? А то помрет, а я без ордена останусь.

Пока Ерёмка, Стёпка и Гипотенуза разговаривали, все ушли в боярские хоромы.

– Жив, жив Дорофей, – отвечала Гипотенуза, – но хвороба его одолела, да такая, что спасения нет никакого. Влюбился наш царь. Науки забросил, звёзды не разглядывает, ёлки не считает. Токмо и знает, что невесту свою поблажает. Но самая большая беда в том, что теперича царь наш батюшка не покладаячи рук трудится. И всё царство-государство работать

заставляет. Говорит, что наследникам надоть богатое государство оставить, чтобы, значит, гордились они Дорофеем.

– Не пойму, – задумчиво произнёс Стёпка, – тебе какая печаль?

– Если бы вы знали, сколько теперича у меня забот! Прежде стояла у забора, размышлениям предавалась. Меня Марфутка жалела, Сидор, опять-таки. Травы приносили, бока чесали, а нонче по лугам по полям гоняют. Да ещё и дорофеева невеста каждый день проверяет, сколько молока даю. Замучили вовсе. Вот и сбежала. Надумала быть вольной козой. Хочу – пасусь, хочу забор чешу. И никто мне не указ.

Ерёма рассмеялся:

– Стало быть, с пастухом тебе пастись надсада, а самой по полям скакать – воля вольная. Сказала бы Дорофею, пускал бы тебя саму пастись.

Коза обиделась:

– Будто вы не знаете, кто спорит с Дорофеем, тот воюет с собой.

– Акишку за что трепала? Обидел он тебя? – поинтересовался пёс.

Гипотенуза потупила голову, вздохнула:

– Знать его не знаю.

– Зачем тогда? – удивился Стёпка.

– А чего он бубенчики на валенки нацепил? Это наше, козье дело, с бубенцами ходить.

Ерёма засмеялся:

– Эх ты, голова рогатая, то не бубенцы, а помпоны.

– Всё одно обидно, – заупрямилась Гипотенуза. – Поделом ему, поделом!

Из ворот выбежал Соловей-Разбойник, без разговоров сгреб Ерёмку, Стёпку в охапку, схватил козу за рога и потащил в боярский дом.

Глава IV

Во главе стола восседал важный боярин Бубякин, рядом с ним румяная барыня. Марьюшка, Макар и Бранибор занимали почётные места гостей. Звон-Парамон не мог усидеть и вертелся на лавке. Стражники теснились по углам. В дверях толкался дворовый люд. На середину светлицы вывели понурого Акишку. Был он всё в той же ночной рубахе и валенках, в волосах застряла солома. Раскаяние разлилось по его горестному лицу, но глаза хитровато поблескивали.

Макар, как старший из всех, принялся вести допрос:

– Скажи-ка, Ким Терентьевич, почто ты боярина дурачил?

Акишка, не поднимая головы, пожал плечами:

– Никого я не дурачил.

Боярин раскалился, словно чугунок в печи:

– Как так не дурачил? А кто мне говорил, что выведешь из Земли Грѣз, если я дам слово, тебя, босяка, принимать в своем доме с почестями.

– Люди добрые, – заголосил Акишка, – посудите сами: в чем обман? Честь по чести вывел я барина из Земли Грѣз, – затем обернулся к дворовым. – Неужто запомнили, как три дня пировали по случаю возвращения боярина?

Дворня загалдела перешептываясь.

– Ай-яй-яй, неблагодарные, – укоризненно покачал головой Акишка. – Забыли уж, как барыня на радостях каждому самолично дары боярские раздавала? Как в ножки вы ей кланялись, благодарили.

Дворовый люд загомонил:

– Помним, помним. Как не помнить?

– Обещал вывести – вывел. Где обман? – подбоченившись спросил босяк у Бубякина.

– Тут обмана не было, – согласился боярин.

– А почто же ты, почтеннейший, народ в заблуждение вводишь? – расправил плечи Акишка.

Лицо Бубякина налилось кровью:

– Ты мне, босяк, что говорил? Ежели я тебя не буду всяко ублажать, то мечтами своими ты меня вновь в эту треклятую Землю Грѣз возвернешь.

Акишка наморщил лоб, почесывая темечко, потом тряхнул головой:

– Не, барин, того не помню. Хоть убей, не помню, дабы я тебе такие слова говорил.

– А ежели тебя, голубчик, на кол посадить, – разгневалась боярыня, – глядишь, и память вернётся к тебе?

Босяк упал на колени:

– Матушка – заступница, и охота тебе злыдничать, мою щуплую плоть увечить?

Макар сурово сдвинул брови:

– Ты, Акишка, говори, да не заговаривайся! Как так случилось, что весь боярский двор токмо и знал, что тебя ублажать, да прихоти твои исполнять?

У босяка появилось изумление на лице:

– Чудной вы народ! Токмо по милости боярской, по душевному состраданию к моей многотрудной жизни. Барин Бубякин самовластно повеления давал.

Дворня сначала робко, а затем захохотала в голос. Смеялись и стражники, и Бранибор с Марьюшкой, и Парамон, только боярин обиженно сопел, наливаясь краской. После со всей силы хватил кулаком по столу:

– Ша! Забылись, глядя на шута горохового? На плаху его! Казнить!

Во внезапно наступившей тишине раздался жалобные всхлипы Акишки:

– Говорил мне папаня, что барские милости дорого стоят, а нам, беспорточникам, нечем уплачивать за них. Но боярин нашёл награждение за щедроты свои... Жизнь мою горькую забирает... Не дышать более груди моей воздухом вольным, не видеть глазам моим солнышка ясного. Ох, прощайте, ручки-ноженьки мои, токмо здесь вы отдых и увидели-почуяли. Прощай, моя головушка бесприютная. За то что опочивала на подушках мягких пуховых, лежать тебе во сырой земле. Не найти мне свою суженную, отраду сердцу не восчувствовать, не качать мне деток своих, не радоваться внучкам, которые теребили бы мою седую бороду, да радовали на старости лет.

Акишкины причитания разжалобили дворовый люд, бабы заплакали, утирая слёзы краешками платков. Мужики сочувственно вздохали.

Барин угрюмо рявкнул:

– Цыц, шельмец! Раз ввёл меня, боярина Бубякина, в заблуждение, тебе и ответ держать.

– погоди, боярин, – Марьюшка остановила Бубякина, – несправедливость выходит. То, что Ким Терентьевич тебе говорил – сие одно. Но ты-то, почему повелся на плутовство его? Теперь за обиду свою хочешь его наказать. Не по-боярски выходит, не по чести.

– Может оно и так, – пробубнил Бубякин, – но шадить не буду.

В светлицу ворвался Соловей-Разбойник, таща за рога козу. Следом протиснулись Ерёмка и Стёпка. Отодвинув всех и Акишку тоже, Разбойник зычно спросил:

– Куда короб мой подевали?

– Дык в сенях оставили, – ответил Фрол.

– Шишки-кочерыжки! – стал ругаться Разбойник. – Там же птица Гамаюн! А вы тут в бирюльки играете! Судилище устроили над нищеводом!

– Вот-вот, и я о том же, – подхватил Акишка. – Не стыдно ли высокочтимому обществу куражиться над сиротой.

– Какой такой сирота? Ты же о папане токмо поминал? – удивился Парамон.

– Как папаня передал слова те премудрые мне, так и помер, – скорбно произнёс босяк. – Маманя тоже на погост вслед за папаней пошла. Мыкаюсь сиротинушкой бесприютной с тех самых пор.

Затем засуетился:

– Пойдем, Соловушка, покажу тебе, где короб твой драгоценный оставили.

И расталкивая всех, побежал в сени.

– Вот прощельжник, – восхитился Фрол, – убёг!

Народ повалил следом, любопытно было на Птицу Гамаюн поглядеть. Соловей-Разбойник вынес короб во двор. Акишка крутился под ногами у Разбойника, делая вид, что помогает, однако больше мешал.

– Вот сюда, сюда ставь, – рукой очищая место на земле, тараторил босяк, затем перескакивал чуть дальше. – Глянь, а может птичке на деревце лучше будет? Или смотри, камушек ровнехонький. Вскочит птичка на камушек, крылышками помашет, а мы ей зернышек насыпем. Эй, конюхи, тащите овес, пшеничку, будем птичку кормить!

– Брысь отсюда! – Разбойник зыркнул на босяка лиловым глазом.

Акишка откатился в тень и затаился, боясь попасться на глаза боярину. Соловей, открыв короб, бережно достал Птицу Гамаюн. Ликом светлым была Птица, волосы огнём сияют, глаза – бушующее море, тревога в них полощется. Оперение алое. От оперения того озарилась светом червонным округа, наполнилась благоуханием сотней сотен роз. Вдохнул дворовый люд аромат цветов прекрасных, но невидимых, на лицах улыбки расцвели, ушли негодование и досада. Любовь засветилась в глазах. Приобнял боярин свою боярыню, нет для него краше никого на свете. Посмотрел Бранибор на Марьюшку, понял: вот она, его суженая. У Марьюшки слёзы серебряные из глаз скатились, ударившись оземь, рассыпались на сверкающие росинки. В землю ушли и в месте том небесно-голубые незабудки разом выросли. Наклонилась к ним

Марья и слышит матушкин голос: «Сердечко моё, доченька, недолго увидимся». Почувствовал Макар, скоро и он встретит свою единственную и ненаглядную, приложил руку к груди, чтобы унять сердечный трепет, улыбнулся. Гипотенуза робко вздохнула: «Где-то мой серый козлик Бурре». Акишка пригорюнился: «Негодный я человек. Доверчивый народ облапошиваю, токмо бы лодырничать. Помру бобылем на пыльной дороге. Ничего после меня не останется на белом свете». Посмотрел босяк на барина с боярыней, а они будто два голубка рядышком. Фрол глядит на свою жёнушку взглядом нежным. Она же детишек обнимает, нарадоваться на них не может. Рядом с Марьюшкой сенная девка Дуська стоит. Маленькая, шустренькая, сероглазая, нос курносый, на русых волосах веночек из пёстрых осенних листьев. Вдаль вглядывается, по всему видно, о женихе мечтает. Заколотилось сердечко у Акишки, понял, что ради девчонки сероглазой бросит он свою беспутную жизнь, за ум возьмется, чтобы сделать Дуську счастливой, не пожалеет ни сил, ни жизни. Обернулась девица на Акишку и вдруг увидела не босяка, а парня молодого, озорного, весёлого. И столько ласковости в его взгляде, что сердечко девичье разомлело.

Взмахнула Птица Гамаюн крылами, ушло сияние. Потемнел день. Кровавый закат встал. Грозовые тучи обрамляют пламенеющее небо. Громадные чёрные вороны меж туч летают, злобным карканьем погибель предвещают. Издалека буря надвигается, притаилась в ней злая вражья сила, превращающая в прах и пепел всё живое на своем пути. Суровыми стали лица, встревоженность во взорах появилась. Матери детей к себе прижали, оберегая. Мужья жён своих.

Подняла голову Птица, запела. Высоко звучит голос, печальную песнь поёт Гамаюн о тяжёлых временах, что грядут. Но в песне той нет страха, нет отчаяния. Отвага и решимость звучат в песне, сила любви и веры звучат в поднимающемся к небесам голосе. Слушает дворовый люд песнь молча. У некоторых смятение в душе она родила, что делать и не знают: и за себя боязно, и за отчий дом. У других ядовитой змеёй трусость выползла со дна гнилой душонки, шипит, пугает, прятаться велит. Неустрашимые сердца смелостью наполнились, вера в землю родную, в соотчицей храбрость укрепила. Умолкла последняя нота. День вернулся, как был. Стоит дворовый люд думу думает, разгадать старается увиденное, понять прочувствованное.

Взмахнула крылами Птица Гамаюн, лазурным оперение её стало, каждое перышко окаёмкой серебряной украшено, волосы огнём пылают. Тихо говорит она, но все слышат:

– Беда на нашей земле. Войной пошёл Чернобог против Батюшки Солнца. Хочет быть единым властителем и царствовать безраздельно. Хочет всю землю живую в омертвелую пустошь превратить, людей изничтожить, реки и моря высушить. Прежде сына своего, Князя Мрака и Тлена, послал он. Не одолел ни Князь Мрака, ни челядь его лукавая дух русский.

Нынче сам Чернобог войной идет. Силён и коварен ворог. Многие могут погибнуть. Слабые духом – предать. Но если не вступите в бой с Царём Мрака, тьмой покроется земля, сгинет всё живое.

Ещё раз взмахнула Птица Гамаюн крылами, и предстал перед народом Конь-Огонь. Сияет, сверкает, будто само солнце сошло на землю. Одна шерстинка у него золотая, другая серебряная. Грива в косы заплетённая. Ногами перебирает, головой трясет, не терпит вскачь пуститься. Ахнул народ от красоты такой.

– Батюшка Солнце дарит этого коня тому, кто сможет его обуздать. Будет он верным товарищем. Из беды спасёт, в ратном сражении не подведёт. Ещё есть три вещи, которые помогут вам: дерзость, отвага и благоразумие. Помните об этом, – сказала Птица Гамаюн. – Передала я весть, пора мне далее лететь.

Поднялась ввысь Птица, слилась с небесами и пропала, будто никогда её и не было. Удивляется дворовый люд: может, в самом деле, померещилось? Одначе вот он – Конь-Огонь стоит, ушами прядёт, гривой машет, копытами перебирает. Подошёл первый смельчак, запрыгнул на коня, но сбросил его конь. И второго сбросил, и третьего. Шумит народ:

– Да есть ли на свете такой наездник, кто смог бы обуздать коня? Напутала что-то Птица Гамаюн. Как же в бой на нём идти? Не для ратных дел Конь-огонь.

И справа обходят коня, и слева, но конь более никого к себе не подпускает, ржёт, на дыбы становится. Поглядел-поглядел на это дело Соловей-Разбойник, да и говорит:

– Не про вашу честь сей подарок. Будет время, найдется хозяин ему.

Тут и боярин Бубякин вспомнил об Акишке:

– Куда острожник подевался? Подать его сюда немедля!

Потом подобрел немного и добавил:

– На кол сажать так и быть, не буду. Но сотню плетей получит! Да так чтобы на всю жизнь запомнил лохмотник, как барина дурачить!

Стражники бросились исполнять боярское повеление. Сенная девка Дуська со слезами кинулась в ноги:

– Боярин! Не губи Акишку.

– Да тебе какая печаль? – удивляется барыня. – Почто убиваешься?

Встала Дуська, слёзы вытерла, посмотрела в глаза боярине и отвечает:

– Люблю я его! Всем сердцем люблю!

– Да когда же успела? – диву далась боярыня.

– Как Птица Гамаюн крылами взмахнула, чародейный розовый аромат напустила, да червонным светом озарила округу, так и полюбила. Парень он незлой, беспутный токмо, а то беда поправимая. Милёнок – и не умыт белёнок. Об одном прошу, барин, смилуйтесь, пощадите! Я за это всё сделаю, что повелите.

– Ну, коли просишь, – отвечал боярин, – то так и быть. Вместо Акишки тебе будет сотня плетей. Его же пощажу.

Побледнела Дуська, голову уронила и отвечает:

– Спасибо, барин. Не забудь токмо отпустить Акима, как сговаривались.

Ропот поднялся среди дворового люда:

– Виданное ли дело, девчонку плетями!

– Помрет девчонка!

– Негоже, барин, негоже безвинную душу губить!

Нахмурился боярин Бубякин:

– Всякая сорока от своего языка погибает. Не я её спрашивал, сама вызвалась.

– Да ты что ополоумел, боярин? – расталкивая всех, выбежал вперёд Акишка. – Вот он я! Меня вяжите-хватайте! Дуську отпустите! У девки, известное дело, волос долог, да ум короткий. Сама не понимает, что говорит!

Затем повернулся к девчонке:

– Дал я, Дуся, слово себе, что ни сил, ни живота своего за-ради тебя не пожалею. Сделаю тебя счастливой. Одначе не суждено тому слову сбыться. И позволить, чтобы ты в отместку меня наказание несла, не могу. Просьба у меня к тебе есть, краса-девица. Ежели не сдюжу от тех плетей, да помру, то выходи замуж за человека доброго. Ежели сын родится, то дай слово, назвать его моим именем. Будет это отрадой мне в мой смертный час. Буду знать, что не позабудешь ты меня, любовь мою к себе не позабудешь.

Глянул на боярина и говорит:

– Вели, барин, вести меня куда требуется, готов я.

Кивнул головой стражникам боярин Бубякин, схватили они Акишку и поволокли.

– А ну-ка, стойте! – приказала боярыня. – Нет на то моего согласия. Не позволю, барин, я тебе на посмешище и поругание себя выставять. Не время сейчас счёты вздорные сводить. Беда на нас движется. Забудь об обиде.

Насупился барин:

– Так ты же сама, душа моя, предлагала Акишку на кол посадить, а я токмо плетью велел выпороть.

Улыбнулась барыня:

– Дык, голубь мой сизокрылый, я же для острастки. Неужто не помнишь, как любовь меж нами зарождалась? Неужто забыл трепет сердечка и сладкие надежды?

– Помню, всё помню, голубушка моя, – отвечал боярин.

– Знаю, нрав у тебя, любезный муж мой, крутой, но сердце доброе и отходчивое. Неужто из-за обиды своей ты готов два любящих сердца разбить-разлучить? – заворковала боярыня.

Не отвечает боярин, думает. Зазвучал металл в голосе боярыни:

– Ежели не отменишь своего приказания, то я за себя, муж мой разлюбезный, не ручаюсь! Либо в обморок тотчас же упаду, либо к батюшке с матушкой уеду!

– Что ты! Что ты! – взволновался боярин. – Я тоже для острастки, лебедушка моя. Обида у меня на Акишку в том, что из-за него с тобой я не виделся долгое время, пока в Земле Грѣз пребывал. Опосля боялся вновь там оказаться, тебя лишиться.

– Эх, барин, – вскричал Акишка, – кабы знал я тогда, что такое любовь, кабы знал, что не мил и свет, когда милого нет. Виноват я перед тобой и боярыней! Не знаю, как и прощение пред вами выпросить. Но если сможете, простите великодушно.

– Да чего уж там. И моя вина есть, что поддался хитрости твоей, – отвечал боярин Бубякин. – Вот ворога победим и свадьбу вам с Дуськой справим. Отпустите Акишку, – приказал он стражникам.

Глава V

– Боярин, боярин! – горланил стражник с каланчи.

– Чего тебе? – крикнул в ответ Фрол.

– Мельник наш бежит.

– Куда?

– Сюда! Все семейство с ним. Мельничиха что-то кричит, но не разобрать! – вглядываясь, отвечал стражник.

– Что ещё видно?

– Ураган движется, а над речкой Березайкой мгла, боле ничего не распознать!

– Дык чего ты молчал доселе? – гаркнул боярин Бубякин.

– Дык я кричал, а вы не слышали! – отвечал стражник.

Бубякин кивнул Фролу. Стражник открыл ворота. За ними, злобно хохоча, властвовал ураган. В свинцовом небе сталкивались мятущиеся тучи. С каждым мгновением они опускались всё ниже и ниже, казалось ещё чуть-чуть и тяжелая чернь придавит собой землю. Ветер выгибал деревья. В воздухе носились обломанные ветви. По дороге спешил мельник с женой, прижимая к себе детишек. Беснующиеся вихри силились вырвать их из родительских рук.

Фрол выглянул из ворот:

– Ишь, экая кутерьма заварилась! У нас тишь да гладь, а за забором ураганище!

– Лапоть тебя задави! Снесёт же бедолаг! Не добегут! – обеспокоился Соловей-Разбойник, вглядывая вслед за стражником.

Яростный порыв ветра сбил с ног толстую мельничиху и поволок её по дороге, словно перекати-поле.

– Ой, лишенько! – заверещала она, – Спасите, помогите! Укокошит, размажет ветрюганище меня, аки лепешку!

– Подсобить придется, а то и в самом деле пропадут, – крикнул Соловей-Разбойник.

– Да куда ты? – попытался остановить его Фрол, – Сам пропадешь!

– Не всяка потягота к лихоманке, – сверкнув желтым глазом, ответил Разбойник и что есть мочи побежал навстречу мельнику.

Ветер рвал рубаху, бросал пыль в глаза. До того бесцельно носящиеся в воздухе ветви накинудись на Соловья, огрубелыми сучьями царапая лицо и выдирая волосы. Разбойник, подхватив мельника и мельничиху, поволок их под спасительную защиту боярского двора. Фрол держал ворота настежь открытыми. Когда Разбойник вбежал, наглухо захлопнул их.

– Ой, что делается, что делается! – затараторила мельничиха, отряхиваясь от дорожной пыли. – Мельница наша, кормилица, развалилась. По камушку, по камушку разлетелась! Река высохла. Была и нету! Будто никогда нашей Березайки и не было. Кто тут боярин Бубякин?

– Я боярин, – отвечал Бубякин, выступая вперёд.

Мельничиха с ног до головы оглядела барина:

– Ага, тогда наше почтение вам, барин! Мы к вам со всем уважением, а что делается? Сирые мы теперича, сирые, – ударилась баба в слезы. – Голые и босые. Ничего не осталось, По миру пойдем, да как ийти, когда пустошь кругом, омертвелая пустошь.

– Да не таракти, растолкуй, что случилось?

– Что же вы за боярин, когда не знаете, не ведаете, что у вас твориться? – накинудась она на Бубякина. – Вся округа теперича без муки и хлеба осталась. Мельницы нет уже нашей! По камушку, по щепочке разлетелась-рассыпалась. Жернова, колеса, мешки с мукой, словно листочки осенние ураган подхватил и унёс неведомо куда. Речка Березайка высохла. Лишь земля суха теперича на том месте. И всё в одночасье! Глазом не успели моргнуть. Токмо детишек подхватили и к вам бежать! Ой горе, ой лишенько! – запричитала она.

– Помолчи, жена, – вступил мельник разговор. – Тут ещё какое дело. По дороге повстречали мы женщину. По всему видать, благородная. Сказала, что уж двадцать лет скитается, дочь разыскивает. С собой привести её мы не могли. Свою детвору бы дотащить. А женщина обессилила совсем, идти уж не могла. Боюсь, кабы не померла ненароком, а то и свалится на неё в такой ураган дерево, да покалечит. Может, отправили бы вы, барин, кого-нибудь за той женщиной? Тут недалече, верст пять всего.

– Да кто же пойдет по доброй воле? То на верную погибель посылать.

– Оно верно, – вздохнул мельник.

Марьюшка внимательно слушала разговор. Затем спросила мельника:

– В какой стороне женщину вы оставили? Как распознать то место?

– По дороге до раздорожья, – показал рукой мельник, – Слева верстовой камень. Приметный он, будто бычья голова, так его в народе и величают. За ним старая берёза стоит. За берёзой небольшая лощина. Вот в ней мы и укрыли ту женщину.

– Да ты что, барышня, – всплеснула руками мельничиха, – сгинешь, не ходи туда!

Марьюшка холодно глянула на мельничиху и ни слова не говоря, взяла под уздцы коня. Дворовый люд боялся вздохнуть, лишь только кто-то испуганно прошептал:

– Убьется барышня, как есть убьется! Скинет Конь-Огонь барышню!

Погладила Марьюшка коня по холке. Тряхнул он гривой. Вскочила девица верхом. Заржал конь, вспыхнула грива пламенем, копыта огнем засияли. Пришпорила Марья коня, стрелой перелетел он через забор тёсаного камня, только его и видели. Ахнул народ:

– Непростая девица!

– Она и есть хозяйка Коню-Огню!

– погоди! – крикнул Макар, но Марья уже его не слышала.

– Дай, боярин, скакуна, – просит Макар, – не должно девице в такое время одной быть.

Отец я ей, не дашь коня, пешком пойду!

– Да бери, бери, – замахал руками боярин Бубякин, – любого, самого резвого. Хоть у меня таких нет, чтобы с Конем-Огнем сравниться.

Бранибор уже выводит двух лучших жеребцов из конюшни:

– Садись, отец. Вместе поедем.

Фрол ворота открывает, скакуны от нетерпения ногами перебирают. Тут и Звон-Парамон голос подал:

– А я? Без меня как же?

– Да где же я тебе коня возьму? – вытаращил глаза боярин.

– Дык вон, сколько лошадей у тебя в конюшне!

– Дык ты со своим ростом даже до гривы не достаешь. Как же скакать будешь?

Посмотрел Парамон, а Макар и Бранибор уже выезжают из боярского двора. Прыгнул он верхом на Гипотенузу:

– Эх, залётная! Покажем удаль молодецкую?

– А то! – лукаво подмигнула коза и, высоко задирая ноги, поскакала следом.

Судача о происшедшем, дворовый люд стал расходиться. Боярин с боярыней ушли в палаты.

– Ерёмка, – заверещал Стёпка, – А мы с тобой? Гляделками будем моргать? Подтягивай свои лапти-скороходы и побежали за всеми!

Гонец задумчиво почесал в затылке:

– Взаправду сказать, намаялся я. Мне бы передохнуть чуток. Видал, какая ватага поскакала? Даже Парамон с Гипотенузой. Без нас справятся.

Стёпка обиделся:

– Даже Гипотенуза! А я, стало быть, не у дел получаюсь.

Соловей-Разбойник приподнял пса за загривок и, глядя ему в глаза, внушительно произнес:

– Не твоякй понапрасну, Стёпа, побереги удаль.

Затем кивнул Ерёме:

– Давай, отойдем в сторонку, парой слов перекинуться надоть.

Стёпка хотел что-то сказать, открыл было рот, но взглянув на Разбойника, промолчал. Разбойник осмотрелся, по двору всё ещё бродил народ.

– Чужие уши нам ни к чему. Дело секретное. Давай на каланчу полезем, там и покажу заодно.

– А я как на каланчу залезу? – принялся вновь обиженно бурчать Стёпка. – Вы там секретничать будете, а я, стало быть, ненадобный.

– Ох, и докучливый ты, Стёпка, – крикнул Разбойник и, подхватив пса на руки, начал взбираться по крутой лестнице.

Степкина физиономия расплылась в довольной улыбке. Ерёма карабкался следом.

Поднявшись на самый верх Соловей-Разбойник, показал вдаль:

– Посмотри-ка, Ерёма, на деяния Чернобога. Я чуток приметил, когда за мельником с мельничихой выбегал за ворота. Думаю, нам надо совет держать, что дальше делать.

Медленно угасал день. Ураганый ветер стих. В сумеречном свете дорога, ведущая от боярского дома, была плохо различима. Местами её закрывали нависающие кроны деревьев. Издалека свет, идущий от Коня-Огня, казался дрожащим пламенем свечи, марьюшкина фигурка тенью. Неясные очертания Макара и Бранибора чуть виднелись. Звона-Парамона угадать можно было только по беканью Гипотенузы, которое он по привычке повторял эхом, и оно словно горошинки разлеталось во все стороны. На месте речки Березайки зияла пропасть, за края которой корнями цеплялись сломанные деревья. Хмарь, затянувшая небо, скрыла мерцание первых звёзд. Омертвелая пустошь чёрным саваном окружала лес со стороны ушедшего за горизонт солнца.

– Боится Чернобог Батюшки Солнца, – прошептал Соловей.

– Знамо дело! – хмыкнул Стёпка. – На свинью хоть хомут надень, всё одно конём не станет. Вот Чернобога завидки и берут.

Разбойник зыркнул на пса жёлтым глазом. Стёпка тут же прикусил язык.

– Приметили? Ураган-то прошёл мимо боярского дома, даже травинка здесь не шелохнулась? – спросил Соловей.

– К чему клонишь? – Ерёма с интересом посмотрел на Разбойника.

– А ещё у меня вопросец имеется, – хитро улыбнулся тот. – Отчего сие? И отчего, как только Марья за ворота, то и ветер утих, будто никогда его и не было?

– Да кто его знает? – пожал плечами Ерёма.

– Причинность сего явления... – многозначительно начал Стёпка, да умолк, не зная, что сказать далее.

– Смекайте быстрее, тугодумы!

– Не знаю, – зевая во весь рот, ответил Ерёмка. – Мне бы поспать чуток, намаялся за день.

– Не, ну ты, Соловей, чисто репейник! Так и знай, у этой загадки нет отгадки, – проворчал Стёпка.

– Эх, вы! Думалка у вас нонче точно заржавела. Так и быть признаюсь, чего я тут смекнул. Чернобог не просто боится Батюшки Солнца, а шибко боится. Двор бубякинский не тронул, потому как жар-перо туточки.

– Во, какая сила в пере-то! – восхитился Стёпка.

– Надо полагать, что как токмо Конь-Огонь за ворота выскочил, то Чернобог и присмирел, – в задумчивости произнес Ерёма.

– Верно мыслите, хвалю! Теперича идите опочивать. Я же Марьюшку подожду.

Глава VI

Безмолвие, наступившее в лесу, время от времени нарушал треск падающих на землю сухих веток. В блуждающем зыбком тумане деревья казались призрачными. В полумраке мерещились неясные фигуры беспрерывно изменяющиеся. То они представляли грифонами, беззвучно хлопающими крыльями. То превращались в меченосцев, готовыми разрубить каждого, встреченного на их пути. То оборачивались ползущими чудищами о трёх головах каждое, после поднимались во весь рост, становясь людьми. Были те люди слепцами, вместо глаз тёмные дыры. В полном молчании брели среди деревьев, натываясь на них и вновь превращаясь в туман.

Зябко кутается в шаль, вышитую незабудками, Василиса, без страха смотрит на клубящиеся фигуры.

– Сейчас отдохну чуток и пойду дальше. Не обманывает материнское сердце, чувствую, рядом моя доченька, – шепчет она. – Мельник говорил, что боярский дом недалеко. Может, кто видел мою Марьюшку, может статья, кто-то знает, где искать её.

Внезапно донесся голос:

– Матушка, помоги мне. Уводят меня через тёмные леса, чёрные воды, через бескрайние поля, за высокие горы, за тридевять земель, за тридевять морей. Ох, матушка, никогда более не встретимся – не увидимся.

Поднялась на ноги Василиса, смотрит направо, никого нет. Смотрит налево, опять никого. Только голос звучит всё дальше и тише:

– Поспеши, матушка, лихие люди сковали-связали меня. Не вырваться, не убежать. Злую долю мне уготовили.

Встревожилась Василиса, крикнула:

– Марья, доченька, ты ли это?

– Я, матушка, я!

Побежала Василиса на голос, видит, по краю лощины девушку ведут за руки верёвками толстыми связанную. Косы распущены, сарафан рванный, ноги босые. Вокруг неё стража грозная. Шапки на них на высокие с лисьими хвостами, кафтаны будто из воронова крыла, сапоги железные, там где пройдут след остается, да такой, что трава истлевет, камень крошится. Однако идут бесшумно. Кинулась Василиса вслед, бежит, торопится, шаль с плеч уронила, но догнать не может. Вроде уж и близко, ан нет, уходят они. Уходят так быстро, словно по воздуху плывут, а не по земле идут. Лес всё темнее и гуще.

– Стойте! – кричит Василиса. – Отпустите доченьку мою! Отпустите Марьюшку!

Не слышит стража грозная, ведет девушку неведомо куда. Уже в самую чашу зашли. Деревья в пять обхватов стоят, кроны переплелись, скрывая небо собой, трава по колено, кусты колючими ветками одежду рвут. Собралась с силами Василиса, побежала, что было мочи, догнала конвоиров, вцепилась в одного из них. Не оборачиваясь, оттолкнул он её. Падая, Василиса сдернула лисью шапку со стражника. Повернулся караульщик к ней. Ахнула женщина. Под шапкой воронью голову увидела. Глаза рубиновым светом горят. И кафтан тот – не кафтан, а воронье оперенье. Каркнул стражник во все горло, взмахнул руками, превратились они в крылья, стал он чёрным вороном. Остальные обступили Василису, клювы разевают, грают вовсю мочь. Не испугалась она, а разгневалась:

– Кыш, отсюда! Кыш, курицы ощипанные! Отдайте мне дочь мою! Двадцать лет ищу её не для того, чтобы Марьюшку мою отняли вдругорядь. Нет такой силы, чтобы остановила меня!

Расступились вороны. Видит Василиса, девушка стоит, голову опустила, лица и не разобрать.

– Марьюшка, доченька! – шепчет, слёзы глаза её застыт. – Не чаяла уж тебя найти. Не бойся, моя девочка, я рядом с тобой.

Подбежала, глянула и обомлела. Перед ней не девица, а ведьма стоит. Седые космы в разные стороны торчат, нос крючком с подбородком встречается, рот шербатый. На одном глазу бельмо, другого и вовсе нет. Смеётся старуха в покат:

– Не чаяла, говоришь? А я тебе в дочки сгожусь, Василиса? Ты княжна, и я княжной сделаюсь.

– Ах, ты нежить! – вскипела Василиса, – над горем моим потешиться захотелось? Слезы мои тебя веселят? Одно скажу тебе, ведьма, не была ты матерью рождена, не быть тебе самой матерью, не изведала ты материнской любви и силы её не знаешь. Не совладать тебе со мной.

– Не нужна ты мне, – ухмыляется ведьма. – Дочь твоя требуется. Чернобог велел тебя к нему привести, а уж Марья следом сама придет.

– Зачем, ведьмачка, дочь моя вам?

– Знаю одно, предала она Князя Мрака и Тлена. Но пока сердце её скованно, может пригодиться Чернобогу. Отец её, Князь Мрака, поместил сердце Марьи во вместилище, отгородив от всех человеческих чувств. Посему будет твоя дочь безропотно служить Чернобогу.

– Врешь, старая хрычовка, Марьюшка не дочь Князю Мрака. Украл он её. Обездолит. Дочь она князя земли русской Радослава. Не бывать тому, чтобы Чернобог её у вновь забрал!

– Ты хоть и княжна, но дурища, – осклабилась ведьма. – Хозяин мой вскорости всей землей владеть будет. Царём станет и над миром и живых, и над миром мёртвых. Всё его будет. Подобру соглашайся, княжна. Иначе вызовешь ярость Чернобога, а в ярости он лютый. Разорвет тебя на мелкие кусочки, испепелит, а пыль по ветру развеет.

– Вот что я тебе скажу, ведьма, – отвечает Василиса. – Раз страшаете, значит, нужна я живой. Но запомните, нет такой силы, чтобы заставила меня мою Марьюшку отдать по доброй воле. Так и передай своему хозяину. Мне же недосуг с тобой разговоры вести.

Развернулась и пошла прочь.

– Хватайте её, – взвизгнула ведьма. – Тащите Василиску в чертоги Чернобога! Велел он, ежели не сговоримся, то заточить княжну в мешок каменный.

Взмахнули вороны крылами, загорелись глаза у них светом рубиновым, подхватили Василису, подняли в воздух и понесли к Чернобогу. Захотала хрипло ведьма:

– Говоришь, нет такой силы? Где уж тебе супротив властелина тьмы устоять?

Хлопнула в ладоши ведьма, из зарослей ступа с помелом вылетели, села она в ступу, взмыла вверх и следом за воронами устремилась.

Глава VII

Скачет Марьюшка на Конь-Огне, дороги перед собой не видит, только о матушке и думает, мечтает свидеться с ней. Вот уже и распутье. Четыре дороги ведут в разные стороны света. Спешилась Марья, коня крепко-накрепко привязала, огляделась. По фиалковому небу золотыми искорками ночь звезды рассыпала. Спрятавшаяся за тучкой луна игриво выставила бочок. Тишина стоит, ни веточка не шелохнется, ни травинка. Подле дороги камень лежит на бычью голову похожий. За верстовым камнем берёза старая. Кора трещинами изрыта, по стволу мох ползет. Но величественно возвышается берёза, золотым кокошником крона венчает её. Засмотрелась Марья на красоту такую, да вдруг услышала тонкий перезвон, шедший от листочков. Бродя что-то березка сказать хочет. Слушает Марьюшка, а понять не может.

– Извини, сестрица, – говорит Марья, – Никак в толк не возьму, что ты хочешь поведать мне.

Наклонила берёза ветви, с серебряным звоном упали в руки девице серёжки. Поклонилась она берёзке:

– Спасибо за подарок. Буду хранить его!

Спустилась Марья в лошину. Туман змеей ползет по низу. Холодом вязким льнет, под одежду забирается.

– Нехорошо мне, будто кто-то рукой ледяной сердце сжимает, – поёжилась Марьюшка.

Огляделась, да никого не видит.

– Матушка, – крикнула, – отзовись! Это я, Марья. За тобой пришла. Матушка!

Нет ответа. Туман вьётся вокруг ног, опутывает. Не замечает этого девица, матушку кличет. Туман выше поднялся, перед глазами клубится, всё собой застит. Конь-Огонь встревожено мечется на привязи, ржёт, но не видит и не слышит его Марья. Недалече цокот копыт раздаётся. То Бранибор с Макаром скачут, за ними Звон-Парамон спешит. Туман уж с головы до пят обволок девицу, ни цокот, ни крики до неё не доносятся.

– Откликнись, матушка! – но призрачная мгла поглотила марьюшкин зов.

Пелену рукой разгоняет она, пытается что-либо разглядеть, но лишь всколыхнулась туманная марь. Вышли люди из неё. Платья пепельные, погребальные. Лиц не разобрать, мрак клубящийся вместо лиц. Тленом веет от них. Хватают Марью руками стылыми, тащат за собой, шепчут тусклыми голосами:

– Иди с нами, иди.

От рук хладных заледенело сердце девицы, о матушке забыла. Идёт покорно. Из тумана пенящегося меченосцы появились. Вдоль пути встали, мечи подняли, скрестили их над головой Марьи. По мечам всполохи багряные идут. Отсветом падают те всполохи на княжну.

– Иди к Чернобогу, ждёт он тебя, – шепчут люди без лиц. – Была ты Мореной, дочерью Князя и Тлена, теперича же Царицей Тьмы станешь. Слушает их девица, головой согласно кивает.

– На одном троне с Чернобогом восседать будешь.

– Стихиями повелевать будешь. Бури и штормы тебе покорятся.

– Царство мёртвых и живых подвластно тебе будет.

Перестала чувствовать холод стылый Марья, оледенела, чёрный огонь занялся в глазах её:

– Буду властвовать над землей и морями, над небом и океанами. Царицей Тьмы буду.

Мерещится, что едет теперича она уже в открытой карете. Карета эта из чёрного алмаза драгоценного. Мерцает светом таинственным, страшным, завораживающим. Вместо колес у кареты кабаньи лапы. Копытами бронзовыми стучат по земле, гул от сего идет. Клыки кабаньи оглоблями торчат. Не конями запряжена карета, а шестью птицами чудными. Оперенье пурпурное, головы золотом блестят, глаза рубиновым светом сверкают, крыльями цвета ночи со

свистом машут. Везут к престолу царскому Марью, что ждет её как владычицу Тьмы. Престол тот золотой вдали высится. Чёрными сапфирами украшен, подушки красного бархата лежат на нём, на полу шкуры диковинных животных разбросаны. Стража стоит в одеждах воронова крыла. Неотрывно смотрит на трон Марья, желает стать Царицей Тьмы.

Да вдруг зазвенели серёжки берёзовые радостно. Напев их нежный, высокий, праздничный. Разом спало наваждение. Стоит девица в лесу, от холода дрожит, вокруг туман вьётся. Люди без лиц отпрянули от неё, трясутся от злобы, да не могут Марьюшку руками стылыми ухватить. Меченосцы отступили во мрак, багряные всполохи погасли на мечях их. Птицы чудные над головой летают, рубиновый свет в глазах их тухнет. Глянула Марья на дорогу, а перед ней шаль лежит. По краю незабудки вышиты. Цветы те, словно живые, свет от них идет мягкий лазоревый. Подняла девица шаль, аромат луговой почувствовала. Берёзовые серёжки звучат ликующе, весело. Накинула Марья на плечи шаль, матушку сей же час вспомнила. И будто голос её слышит: «Сердечко моё, доченька, недолго увидимся». Почудилось Марьюшке: не шаль на плечах лежит у неё, то матушка ласково обнимает. Тотчас тепло на сердце стало, будто солнышко ясное согрело. Одначе слёзы серебряные из глаз полились, но и облегчение от них пришло. Легко вздохнула полной грудью Марья.

Обернулась к людям без лиц, а они уж туманом клубятся. Меченосцы в острозубых крыс оборотились. Заметались крысы с визгом пронзительными во мгле сгнули. Рубиновые глаза птиц мраком налились, да и не птицы то более, а василиски с телом петушиным, чешуей покрытым, крыльями дракона и хвостом змеи. Замахали крыльями перепончатыми василиски, закудахтали сипло и растворились во тьме. Карета в вепря дикого превратилась. Вертится меж деревьев секач, рык неистовый из рыла зловонного исторгает. На клён бросился, клыками корни подрывает. Затрещало дерево, наклонилось, упало. Придавил клён вепря так, что тот и шелохнуться не может, ногами по земле елозит, копыта о камни сбивает, пену изо рта испускает. Бился, бился дикий зверь, да и затих. Марьюшка ахнуть не успела, как вебрь пнём трухлявым сделался. Клыки сучками сухими торчат, ноги растопырились, корнями в землю ушли. Закуталась плотнее Марьюшка в шаль и побежала назад к коню-огню. Да туман загородой встал – стеной каменной, не даёт пройти, в полоне держит.

Глава VIII

Макар с Бранибором подъехали к старой берёзе, следом Звон-Парамон на Гипотенузе прискакал. Спешились всадники, увидев Коня-Огня. Мечется конь на привязи, на дыбы становится.

– Где-то здесь Марьюшка, – оглядываясь, сказал Макар. – Сама, видать, коня привязала, никто, ведь, с ним совладать не может.

– Куда же подевалась? – удивляется Бранибор.

Звон-Парамон вокруг коня бегаёт, под брюхо ему заглядывает, за хвост дёргает, подпрыгивает, на спине пытается Марью разглядеть:

– Хорош чудо-конь! Потерял хозяйку, и ржёт теперича он! Чего морду воротишь? Говори, где Марья? Говори, куда запропастилась? – негодуёт Парамон. – Я не посмотрю, что ты Конь-Огонь. Отхожу вожжами, будешь знать!

Гипотенуза, еле переводя дыхание, охала:

– Ох, взопрела! Размеру в Парамоне чуть больше репы, а весу- три мешка отрубей. Ежели бы не моё добросердечие, то спала бы об эту пору у Бубякина в конюшне среди жеребцов знатных графиней, а нонче измочаленная, аки капустный лист изжеванный.

Бранибор с Макаром на козье изнеможение внимания не обращают. Следы в темноте ищут, в чащу леса вглядываются. Показалось Макару, что среди деревьев мелькнула девичья фигурка, рукой за собой поманила.

– Глянь-ка, сынок, не обманывают ли меня мои глаза, – спросил Макар, – уж не Марьюшку ли я вижу?

Бранибор всмотрелся в темноту, но кроме смутных очертаний деревьев ничего не увидел.

– Не видать ничего.

– Да ты получше смотри. Ночью-то сразу и не углядишь, – говорит Макар. – Непокойно мне на душе, кабы чего не приключилось с Марьюшкой.

Вдвоем принялись вглядываться. Лохмотьями свисает ночной мрак со сплетённых ветвей, загораживая собой просветы. Искорёженные ели, словно живые пугалища, лапы растопырили. Но не видно ни единой живой души. Тонет лес в ночной темноте. Неожиданно мелькнула тень, да не понять зверь али человек. Через мгновение в другом месте появилась и исчезла.

– Эге-гей! Марья! – крикнул Бранибор.

– Я, я, – отозвалось издали.

– Верно Марьюшка откликается, – всполошился Макар.

Подхватились они втроем и побежали в чащу леса, Марью выручать.

Глянула на них Гипотенуза неодобрительно:

– Суетсяя бе-е-ез толку, бе-е-сплюхи.

Оставшись одна, коза подошла к краю лощины. Туман там стеной стоит. Марья пытается сквозь пелену туманную пробиться, да ничего не выходит у неё. Обомлела коза, заблела:

– Бе-е-да! Бе-е-да!

Задумалась коза, глядя на Марьюшку:

– Ить, как мучается и помочь некому.

– Эх, ладно! От этих бе-е-спроких проку никакого. Али я коза не бе-е-довая? – озорно подмигнула сама себе Гипотенуза, – али не обо мне говорят, что я чисто бе-е-estia? – и, выставив рога вперёд, понеслась во всю прыть тараном на стену туманную.

Бежит, земля из-под копыт разлетается, блеет истошно, потому как хоть и бедовая, а всё одно боязно. Разогналась, разбежалась, боднула со всей силы стену туманную. Не шелохнулась стена. Вдругорядь ударила. Одначе стоит та нерушимо, ни трещинки, ни вмятинки на ней не появилось. Распалилась Гипотенуза, уж полымя из ноздрей, пар из ушей испускает. В

третий раз, что было силы ударила, да только рог и обломала. Стена же туманная как стояла, так и стоит невредимая. Ноги подкосились у Гипотенузы, упала обессиленная на сыру землю. Шерсть на ней всклокоченная, репейником спутанная, одно ухо вывернуто, другое обвисло. Искры из глаз сыпятся, гул в голове. Чуток полежала, пришла в себя, глядь, а рог её витой подле ног валяется. Загрустила коза:

– Бе-е-дняжечка я, бедняжечка, теперича на меня бе-е-зрогую мой козлик Бурре и не посмотрит, – стряхнула слезу жалостливую из глаз, покосилась на Марью, не смеётся ли та над ней.

А Марья, сидя в туманном узилище, хоть и самой худо, но утешает Гипотенузу, что-то ласковое ей говорит, да слова в тумане вязнут, не долетают до козы. Полегчало ей тотчас от марьюшкиного жаления, духом воспрянула, на ноги поднялась, да и отвечает:

– Сердобольная ты, барышня, но скажу, что сделано, жалеть не велено. Тьфу, на тот рог! Мы, прелестницы, хороши всякие. У тебя отродясь рогов не было, а и ничего! Всё одно – красавица. Мой же Бурре – козёл, вот пусть с рогами и ходит, – и кокетливо повиляв хвостиком, добавила. – Я же в любом обличье чудо как хороша, да дивно как пленительна.

Марьюшка хоть и не слышит Гипотенузу, а улыбается, видя, что лукавинки замелькали у козы в глазах.

– Ладно, потомись ещё чуток, токмо не горюй, – говорит Гипотенуза. – Я уж что-нибудь придумаю, – и поскакала к берёзе, где Конь-Огонь привязанный стоит.

Глава IX

По тёмному лесу Звон-Парамон, спотыкаясь о корни деревьев, спешил за Бранибором и Макаром. При малом росте на один шаг Макара приходилось его четыре. С трудом переводя дыхание, Парамон причитал:

– Всё-таки эхом бестелесным порой сподручнее быть. И сапоги мозоли не стёсывают, и суеты меньше. Куда пожелаешь, туда и летаешь.

На небосводе щекастая луна надзидала за игривыми звёздочками. Светом своим она озолачивая ночные облака. Лёгкий осенний ветерок охлаждал разгорячённые лица путников. Они ушли столь далеко, что сияние, идущее от Коня-Огня, уже скрылось за плотной стеной деревьев.

– Кажись, леший нас по кругу водит. Мимо этого вяза уж третий раз идём. Видите филина в дупле?– показал Бранибор на старого взъерошенного сыча, таращащегося на путников. – Ишь, как глазищами моргает.

– Чего, буркаластый, глаза выпучил? Показал бы дорогу, – крикнул Парамон.

– Эх, – вздохнул Макар, – сбил я вас с панталыку. И Марьюшку не нашли, и сами заплутали.

– Угу, – откликнулся сыч из дупла.

– Ша, пучеглазый! – шикнул Бранибор, досадливо отмахнувшись от филина. – Расквотался, будто умнее нас.

– Угу, – филин мигнул жёлтыми глазами.

Макар устало присел под деревом:

– Сейчас бы ночницы нам помогли, внученьки мои. Да где они теперича?

– Эге-гей! Ночницы-баловницы, откликнитесь! – оглушительно загорланил Звон-Парамон.

От его крика посыпалась сухая листва, филин негодуя заухал.

– Ой – ёй! Кто-то меня за ухо дергает! Кто-то нос мне прищемил! – неожиданно тонким голосом загундосил бывший глашатай. – Ай, больно! Отпустите!

– Что случилось, Парамонша? – встревожился Макар.

Макар и Бранибор бестолку засуетились вокруг Звона-Парамона, но в темноте не понять было, что стряслось. Глашатай, словно ветряная мельница, размахивал руками, отбрыкивался ногами. Недовольно ухая, филин вылетел из дупла. Невидимая сила подхватила Звона-Парамона и, закрутив осенним листом, подняла вверх. От неожиданности Парамон умолк. На фоне голых веток он походил на запутавшуюся в паутине муху. Бранибор поперхнулся и просипел:

– Ты куда?

Подпрыгнул и попытался ухватить Звона-Парамона за ноги, но тот взмыл выше.

– Кажись, я эхом сызнава оборотился, – обречённо завопил глашатай и влетел в дупло, оставив снаружи только сапоги, поблескивающие в лунном свете набойками на каблуках.

Попытался Макар до Парамона дотянуться, да не достать:

– Вот горе-злосчастье, кабы вправду эхом не оборотился.

– Не гоношись, отец, – Бранибор похлопал по стволу дерева, осматривая его. – Парамон в горячке спятил, пятки выпятил, вот и бормочет невесть что. В момент нашего горлопана спусти на землю.

Выбрал Бранибор ветку покрепче, запрыгнул на неё. Трещит ветка, но держится. К следующей подтянулся, поднялся выше. Парамоновы сапоги уже почти перед браниборовым носом маячат. Ещё чуток и до Парамона дотянется.

– Держись, дружище, – во все горло крикнул Бранибор, чтобы его глашатай услышал. Замычал неразборчиво из дупла Парамон, ногами засучил, что было силы, мол, слышу, слышу.

Поднялся ещё выше Бранибор, руку протянул к Парамону, да вдруг свалился, будто кто-то толкнул его.

– Не ушибся? – встревожился Макар.

Поднялся на ноги, отряхнулся Бранибор:

– Жив я, жив, Макар. Видать ветка трухлявая попалась.

Вдругорядь полез на дерево. Каждую веточку на крепость теперича проверяет, ногой осторожно ступает, рукой пробует. Только к Парамону добрался, как вновь скувыркнулся. Крякнул от досады, сызнова полез. Не успел и шага сделать, упал.

– Дерево-то будто заговоренное, – сконфужено пробормотал он. – Как же Парамона вызволить? Ума не приложу. До утра ждать что ль?

– Нет, до утра не сдюжит. Отойди-ка, сынок. Хоть и нет у меня твоей сноровки, но трягну стариной.

Подошёл Макар к дереву, приноровился, запрыгнул на нижнюю ветку.

– Руки-ноги не переломай, отец, – следя за ним, произнес Бранибор.

– Эх, сынок, резвого жеребца и волк не берет! – залихватски крикнул Макар и тут же свалился.

– Всё же выше лба уши не растут, – потирая помятые бока, заворчал Макар.

– Ты это о чём? – спросил Бранибор.

Не успел ответить Макар, как раздались голоса:

– Не вытаскивайте Звона, шума много от него.

Присмотрелся Макар, да никого не видно. Направо повернулся, налево, только Бранибор пред ним. На дереве филин глазищами моргает, а более никого и нет.

– Кто тут? Кто говорит? – всполошился Макар.

– Это мы, твои внучки-ночницы.

– Где же вы? Не видать вас. Почто не показываетесь?

– Боимся, прислужники Чернобога в ночи рыщут. А вы вопите, за версту слышно, – застрекотали ночницы хором. – Особливо Парамон ваш усердствует. Орет, а нам же страшно.

– Так это вы тут проказничаете? Нашего Парамона в дупло засадили?! – вспылил Бранибор.

– А то кто же? – в голосах ночниц прозвучала гордость. – Трудов немалых стоило. Да и тебя мы с дерева скovyрнули и дедушку Макара! Вот какие мы ловкие!

Макар только развел руками:

– Хорошенькое дело! Парамон вас-то и звал! Откликнулись и хлопотами не обеспокоили бы себя.

– Вот что, барышни, – сурово сдвинул брови Бранибор, – возверните Парамона. Негоже доброго человека без всякого уважения в дупла запихивать, аки поленья в печь.

Ночницы принялись шептаться.

– Эй, внученьки, – шепотом позвал Макар, – Парамона вызволять-то будем?

– Будем, будем, – также шепотом ответили ночницы, – опосля...

– Как так опосля? – вознегодовал Бранибор. – Звон мается, а у них усмешки-потешки!

Немедля возверните Звона.

– После, после. Идут, прячьтесь! Прячьтесь! – пискнули ночницы и всё стихло.

Бранибор рассердился не на шутку,

– Сладу нет с твоими внучками, Макар, но я не я буду, а Парамона всё одно вызволю!

Поправил пояс на рубашке, закатал рукава и вновь полез на дерево. Споро поднимается Бранибор, ни одна веточка под ногой не хрустнет, ни один листочек не упадет. Ухватился за сапоги парамоновы:

– Держись, друг Парамошка, вмиг вытащу тебя!

Макар внизу стоит, переживает, на дерево глядит,

- Поберегись, Бранибор. Не свались ненароком.
- Прячься, дедулечка! – пискнули ночницы.

Из мрака бесшумно выступили двухголовые волки, тела их были темнее ночи. Из страшных пастей капает чёрная кровь, падая на землю, пениться, выжигая всё под собой. Неотрывно смотрят они мертвящими глазами, погибельная пустота в тех глазах застыла. Обступив со всех сторон Макара, подняли головы к луне и завyli. От тягучего воя оцепенело всё живое, померкли звёзды. Стоит Макар, словно столб каменный, ни рукой, ни ногой пошевелить не может. Чудиться ему, что стал вновь он Коричневым Карликом, тиуном Князя Мрака и Тлена. Вновь он горбат и колченог. Сидит в пещере, мышцы летучие да змеи вокруг. Варевое готовит для Князя Мрака из серы, крысиных хвостов и дурмана. В глазах двоится от запаха варева, руки трясутся. Огонь лицо опалает, а душу страх холодный сдает. Влетела в пещеру Морена. Жабья бородавчатая морда у Морены, голос, как волчий вой. Ударила плетью Карлика по горбу, выронил он чан с варевом, вылилось оно на пол.

– Неуклюжий уродец, – провила она. – Ты разлил бесценный напиток моего отца Князя Мрака и Тлена.

По лицу хлестнула плетью Карлика в наказание. Схватился он за рану, а под рукой кровь живая горячая выступила, руку обожгла, страх из души изгнала. Посмотрел он на руку свою, глянул на Морену, а она хохочет жабьим лицом, рожи корчит Карлику.

– Не слуга я Князю, а ты не Морена, – говорит он. – Марьюшка моя – дочь человеческая, рождена женщиной. Твоё же нутро ведьмачье.

Тотчас спало наваждение. Стоит Макар в волчьем кругу, а перед ним ведьма от злости бородавки свои царапает, космы седые выдирает.

– Убогий карлик, – верещит она, – одолел моё колдовство! Сей же час велю волкам растерзать тебя!

Выть перестали волки, подошли ближе к Макару, дышат прямо в лицо ему пастями своими страшными смрадными.

– Не грози шуке морем, а нагому горем, – отвечает Макар. – Пожил я немало, всякого повидал. Ежели пришёл мой смертный час, приму его без страха.

– Смерти, говоришь, не боишься? – захохотала ведьма. – Знаешь ли ты, дуралей, что есть нечто пострашнее смерти? Мой повелитель Чернобог велел наказать тебя за твое предательство Князя Мрака и Тлена за то, что посмел поднять руку на своего хозяина, за погибель его постыдную.

Посмотрел на неё Макар насмешливо:

– Эх, ведьма, пупырь у тебя заместо головы отрос. Никак уразуметь не можешь. Это тебе, нежити, Чернобог повелитель. Своё я отбоился. Нонче я человек вольный. Никогда душегуб власти надо мной иметь не будет, какими бы муками не грозил.

Заверещала ведьма, махнула костлявой рукой волкам:

– Несите в мешок его каменный!

Лязгнули зубами двухголовые волки, пустота в их глазах чернотой налилась, схватили Макара и унесли в чащу леса. Ведьма в ладоши хлопнула, ступа с помелом пред ней предстала. Села в ступу, взмыла вверх и вслед волкам полетела.

Только скрылись прислужники Чернобога, суматоха поднялась среди ночниц, вцепились они в Бранибора:

– Беги, спасай дедушку Макара!

Но недвижим Бранибор, смотрит невидящими глазами. Сердятся ночницы:

– Ну, болван болваном! Отлепляйся от дерева, небось, не шишка, чтобы задарма на дереве висеть.

Столкнули они Бранибора, упал он колодой, лежит не шевелится.

Собрались вокруг ночницы, с испугом рассматривают:

– Часом, не помер ли служивый?

– Вроде дышит.

– А пошто валяется, будто старый бражник?

Потеребили они его, а всё одно, не шевелится Бранибор.

– Дедушку Макара выручать даже не думает! – негодуют ночницы.

Затем приуныли:

– Что же делать?

– Давайте, сестрицы, поплачем, – предложила одна из них.

– Поможет? – поинтересовалась самая любопытная.

– Не знаю, но охота такая от горести берет, что даже в носу щиплет, – ответила ночница и всхлипнула.

Пристроились её сестрицы рядышком и только собрались плакать, как заухал филин.

– Кыш! Не видишь, мы заняты!

Филин спустился с ветки и ещё более сердито ухнул, показывая на дупло.

– Ой, – всполошилась та, что предложила плакать, – мы же о Парамоне забыли! Он в дупле досель!

Подскочили, платье отряхнули от сухой травы и полетели вытаскивать Звона-Парамона.

Парамон уже сам, кряхтя, сползает с дерева. На чумазом лице можно было различить только глаза сверкающие гневом. Прелая листва и сухая трава торчали из всклокоченных волос. Платье его походило на замызганную тряпку. Трудно было узнать Парамона. Всегда щеголеватый и благодушный глашатай сейчас походил на рассвирепевшее огородное пугало. Увидев ночниц, накинулся на них с кулаками:

– Безобразницы! Уши-то я вам надеру! Пошто меня за нос таскали? Меня! Почтенного человека засунули в грязное дупло!

Не ожидали ночницы такого, растерялись, а Парамон негодует, ярится дальше некуда.

– Вот уж отбузиную всех вместе и каждую в отдельности! Вот уж задам вам трёпку! И ваш защитник Макар не поможет!

Сбились в кучку ночницы, испугано моргают, виновато молчат.

– Эй, Макар! – загорланил Парамон во все гордо. – Иди, спасай своих внучек от меня, а то за себя не ручаюсь! Держите меня, все кто есть в округе, кулаки чешутся поколотить маракушек!

Ночницы, разом всхлипнув, заплакали в голос:

– Нет Макара. Пропал-сгинул наш дедулечка.

– Как так? В жизнь не поверю, что сгинул-пропал Макар! – разволновался Парамон. – Не такой он человек! Что случилось?

– Утащила его ведьма в темницу к Чернобогу.

– Бранибор куда смотрел? – нахмурился Звон-Парамон. – Пошто не защитил Макара?

– На Бранибора ведьма чары напустила. Вон он лежит в остолбенелых чувствах, еле дышит, – показали ночницы на лежащего под деревом Бранибора, которого Парамон сразу и не приметил.

– Стоит на минуточку отвернуться, как сплошные безобразия происходят! – возмутился Звон. – А вы куда смотрели? – напустился он на ночниц.

Вместо ответа ночные девы зарыдали в голос, размазывая слёзы по щекам.

– А ну-ка, ша! – рявкнул Парамон, да так рявкнул, что ночницы вмиг умолкли. – Заканчивайте сырость разводить. Знаете, где замок Чернобога?

– Знаем, – закивали головами ночницы. – Но боимся туда идти. Ведьма грозилась превратить нас в дорожную пыль. Будет ветер нас гонять, дождь прибивать, всяк прохожий ногами топтать.

– Да вы только дорогу укажите, большего от вас и не требуется. А супротив ведьминоного чародейства у нас тоже кое-чего найдётся, – весело подмигнул Парамон ночницам. – Небось, не зря столько лет эхом бестелесным обитал на этом свете. Уж нагяделся премудростей. Для доброго дела и пригодились.

Почесав задумчиво в затылке, сказал:

– Значит так, девчонки, наказ у меня к вам непростой. Надобно вам сей же час плакун траву найти.

Обрадовались ночницы:

– Трудов сей наказ нам не стоит. Мы плакун траву как собираем, так и сберегаем. В дупле она хранится, филин – караульщик той травы.

Принесли плакун траву ночницы, положили перед Парамоном:

– Чем ещё подсобить?

– Теперича не мешайте, – отвечал Звон.

Взяв траву плакун, обратил корень на восток, заговорил:

– Плакун, плакун! Плакал ты долго и много, а выплакал мало. Не катись твои слёзы по чисту полю, не разносись твой вой по синю морю. Будь ты страшен злым бесам, полубесам, старым ведьмам. А не дадут тебе покорища, утопи их в слезах; а убегут от твоего позорища, замкни в ямы преглубокие. Будь моё слово при тебе крепко и твердо. Век веком!

Три раза повторил Парамон заговор. Задрожал воздух над Бранибором, шипение злобное раздалось. Выползла из груди воина змея холодная, что сжимала его сердце, не давала ему вздохнуть, ясны очи открыть, белый свет видеть. Выползла, зашипела на Парамона, зубы ядовитые выставила. Бросил Парамон плакун траву на змею, завывла гадюка ведьмовским голосом, клубком сворачивается – разворачивается, крутится-вертится, хвостом по земле стучит. Билась, билась, да издохла. Тут же прахом стала. Ветерок поднял змеинный прах, развеял и следа от неё не осталось.

Поднялся на ноги Бранибор, в ноги поклонился Парамону:

– Спасибо, друг мой верный! Кабы не ты, век мне чурбаном лежать. Всё видел, всё слышал, а шевельнуться не мог, – затем виновато вздохнул. – Повиниться должен я перед тобой, Парамон. Не думал, что польза какая от тебя будет, уж больно росточком ты не удался, ты уж не серчай.

– Мал горшок, а кашу варит, – подмигнул Парамон. – Но надобно нам теперича не только Марьюшку сыскать, но и Макара.

Глава X

Не чуя под собой ног, примчалась Гипотенуза к берёзе. Бока у неё ходуном ходят, язык вывалила, дух с трудом переводит. Смотрит, рядом с берёзой верстовой камень на бычью голову похожий лежит. Недалече лошади Макара и Бранибора ушами прядут, хозяев ждут. Чуть в стороне Конь-Огонь на привязи мечется. Прищурилась коза, хвостом недовольно махнула, проворчала, глядя на лошадей:

– Будь я столь смирной, волки давным-давно забыли бы, каково моё мясо на вкус.

Обернулась к Коню-Огню, а он сияющим копытом бьёт, шёлковой гривой трясет. Одна шерстинка у него золотая, другая серебряная, словно жар горит Конь-Огонь. Оглядела себя Гипотенуза: шерсть всклокоченая, репейником спутанная, копыта сбиты и рог обломан. Обидно стало, накинулась на Коня-Огня:

– Пока я себя не жалеючи красоту теряю, некоторые раскрасавцы в праздности удила грызут! Глянь, глянь, – подсунула она под морду коня свою голову, – рога лишилась! От тебя же пользы, как от пудовой свечи в канделябре.

Ржёт конь, копытом бьёт, с привязи пытается сорваться.

– Досадно правду слышать? – пуше прежнего кипятится коза. – Думаешь, мне не огорчительно козьего великолепия лишаться, однорогой пред всем белым светом себя показывать?

Взвился Конь-Огонь на дыбы.

– Хватит вытанцовывать скоморохом, – цыкнула на него Гипотенуза. – Надобно Марью спасать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.